

Годъ 1.

1907.

**ОТКЛЮЧКИ
НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ**

— ≡ ≡ ≡ И ≡ ≡ ≡ —

ЕГО ДОСУГИ.

№ 2.

Февраль.

ТИПОГРАФІЯ К. А. БАРАНЪЕВА, г. ВОЛОГДА.

Редакторъ-издатель А. Ѳ. Знаменскій.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

Объ *установленіи явочнаго порядка для устройства народныхъ чтеній по сельскому хозяйству.* Главноуправляющій Землеустройствомъ и Земледѣліемъ, 24-го ноября 1906 года, донесъ Правительствующему Сенату, для опубликованія, что Высочайше утвержденнымъ, 30-го октября 1906 г., положеніемъ Совѣта Министровъ постановлено Высочайше утвержденное, 15-го февраля 1903 года, положеніе Комитета Министровъ о порядкѣ производства отдѣльными лицами, обществами и общественными учрежденіями народныхъ чтеній по сельскому хозяйству и относящимся къ нему отраслямъ знаній отмѣнить и распространить на народныя чтенія по сельскому хозяйству порядокъ, установленный Именнымъ Высочайшимъ Указомъ 4-го марта 1906 г. о публичныхъ собраніяхъ.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

По гражданскому вѣдомству,

22-го декабря 1906 года, № 92:

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По С.-Петербургскому учебному округу.

ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторы народныхъ училищъ Новгородской губерніи: **Гуляевъ**—съ 1-го марта 1906 г. и **Моревъ**—съ 15-го марта 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель торопецкаго городского училища, Псковской губерніи, **Лещин-**

скій—съ 1-го іюля 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель архангельскаго городского четырехкласснаго училища **Прохоровъ**—съ 1-го іюля 1906 г.; бывшій почетный смотритель Вологодскаго городского училища **Штумпфъ**—съ 13 февраля 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель архангельскаго городского четырехкласснаго училища **Прядильщиковъ**—съ 1-го іюля 1904 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: почетный смотритель торопецкаго городского училища **Любовскій**—съ 8-го іюня 1903 г.; смотритель женскаго училища Принцессы Терезіи Ольденбургской **Назаровъ**—съ 13 августа 1906 г.; сверхштатный учитель архангельскаго городского четырехкласснаго училища **Раевскій**—съ 1-го іюля 1906 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя: двухклассной бесплатной имени Комисарова-Костромскаго школы въ С.-Петербургѣ, **Васильевъ**—съ 9-го апрѣля 1906 г.; приходскихъ училищъ: порховскаго, Псковской губерніи, **Сухоруковъ**—съ 30-го іюня 1906 г. и псковскаго, **Алексѣевъ**—съ 27-го августа 1906 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *титулярнаго совѣтника*: учитель искусствъ Петровской ремесленной школы по игрушечному дѣлу въ гор. Тотмѣ, Вологодской губерніи, **Лашинъ**—съ 15-го августа 1900 г.; руководитель работъ и преподаватель технологіи и рисованія петрозаводскаго ремесленнаго училища **Григорьевъ**—съ 1-го мая 1902 г.; *коллежскаго секретаря*: учитель вытегорскаго четырехкласснаго городского училища, губернской секретарь **Успенскій**—съ 1-го іюля 1902 г.

30 декабря 1906 г., № 93:

НАЗНАЧАЕТСЯ: инспекторъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи статскій совѣтникъ **Быловъ** директоромъ народныхъ училищъ Минской губерніи.

1-го января 1907 года, № 1:

ПРОИЗВОДЯТСЯ за отличие: изъ статскихъ въ *дѣйствительные статскіе совѣтники*: начальникъ сѣдлецкой учебной дирекціи Владиміръ **Костылевъ**; директоръ народныхъ училищъ Иркутской губерніи Михаилъ **Заостровскій**; изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: попечитель рижскаго учебнаго округа Дмитрій **Левшинъ**, со старшинствомъ съ 7-го августа 1906 г., и управляющій дѣлами пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ Владиміръ **Мутьевъ**; въ

коллежскіе регистраторы учитель благовѣщенскаго Иннокентьевскаго начальнаго училища Алексѣй **Русиновъ**.

НАГРАЖДАЮТСЯ орденами:

Св. Анны 1-й степени—попечитель харьковскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣй **Раевскій**.

Св. равноапостальнаго князя Владиміра 3-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: попечители учебныхъ округовъ: с.-петербургскаго, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества, графъ Андрей **Бобринскій**, оренбургскаго, Николай **Бобровниковъ** и варшавскаго, Владиміръ **Вѣляевъ** и директоръ народныхъ училищъ Ковенской губерніи Александръ **Лебединцевъ**.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: директора народныхъ училища губерній: Новгородской, Арсеній **Чихачевъ** и Костромской, Иванъ **Виноградовъ**; статскіе совѣтники: директора народныхъ училищъ губерній: Таврической, Сергѣй **Маргаритовъ**, Виленской, Игнатій **Огіевичъ** и Енисейской, Иванъ **Чтецовъ**; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Вологодской, Николай **Офицеровъ**, Нижегородской, Алексѣй **Сokolovъ**, Калужской, Николай **Федоровъ**, Симбирской: Николай **Охотинъ** и Константинъ **Нечаевъ**, Оренбургской, Николай **Воскресенскій**, Пермской, Александръ **Безсоновъ**, Курской, Иванъ **Евфимьевъ**, Пензенской, Николай **Дикаревъ**, Херсонской, Федоръ **Шеневскій**, Полтавской, Александръ **Евсевскій**, Черниговской, Иванъ **Панаженко** и Могилевской Владиміръ **Тиминскій** и Семипалатинской области, Александръ **Злобинъ**; директоръ ремесленно-воспитательнаго заведенія, имени Н. П. Трапезникова, въ гор. Иркутскѣ, Антонинъ **Шангинъ**; коллежскіе совѣтники: начальникъ кѣлецкой учебной дирекціи Николай **Токаревъ**; инспекторъ народныхъ училищъ Волынской губерніи Александръ **Безверхій** и надворный совѣтникъ учитель с.-петербургскаго Владимирскаго городского училища Николай **Степановъ**.

Св. Анны 2-й степени: статскіе совѣтники: директоръ народныхъ училищъ Ярославской губерніи Антонъ **Украинцевъ**, инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Вологодской, Никифоръ **Ахутинъ**, Тверской, Дмитрій **Исаковъ**, Рязанской, Михаилъ **Дроздовъ**, Казанской: Михаилъ **Алатырцевъ** и Алексѣй **Жеребцовъ**, Самарской, Константинъ **Вере-**

тельниковъ, Оренбургской, Николай **Введенскій**, Пермской Михаилъ **Введенскій**, Воронежской, Сергѣй **Любимовъ**, Харьковской, Александръ **Бородаевскій**, Бессарабской, Александръ **Абакумовъ** и Люблинской, Евстафій **Червяковскій** в областей: Войска Донского Алексѣй **Родионовъ**, Акмолинской Павелъ **Степановъ** и Сыръ-Дарьинской, Александръ **Николаевъ**; инспекторъ бахмутскаго ремесленнаго училища Петръ **Жировъ** и учитель-инспекторъ виленскаго перваго городского училища Леонтій **Бодровъ**; коллежскіе совѣтники: инспектора народныхъ училищъ: Херсонской губерніи, Антіохъ **Луцкевичъ** и Семипалатинской области, Игнатій **Скорковскій** и врачъ екатеринбургскаго городского училища Владиміръ **Падучевъ**; надворные совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Акмолинской области Леонидъ **Кривоноговъ**; учителя-инспектора городскихъ училищъ: усть-сысольскаго, Иванъ **Чиркинъ** и ташкентскаго, Андрей **Стайновскій**; штатный смотритель староконстантиновскаго городского училища Аристархъ **Андріевскій** и почетный смотритель городского училища при с.-петербургскомъ учительскомъ институтѣ Прохоръ **Матвѣевъ**.

Св. Анны 3-й степени: статскіе совѣтники: инспекторы народныхъ училищъ губерній: Московской: Арсеній **Модестовъ** и Сергѣй **Петруннъ**, Тверской, Александръ **Ждановъ** и Сувалкской, Иванъ **Голшкевичъ**; коллежскіе совѣтники: инспекторы народныхъ училищъ губерній: Олонецкой, Семень **Лосевъ**, Смоленской, Иванъ **Смирновъ** и Витебской, Николай **Богоявленскій**; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: витебскаго втораго, Даміанъ **Каленчукъ**, омскаго, Иванъ **Соловьевъ** и зайсанскаго, исправляющій должность, Григорій **Царевъ** и младшій учитель рижскаго городского женскаго шестикласснаго училища Владиміръ **Свенсонъ**; надворные совѣтники инспекторы народныхъ училищъ губерній: Костромской, Иванъ **Карцевъ**, Таврической, Дмитрій **Мухинъ** и Черниговской: Михаилъ **Мельниковъ** и Михаилъ **Карпенко**; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: с.-петербургскаго благовѣщенскаго, Александръ **Масловъ**, новолодожскаго, Константинъ **Копосовъ**, череповецкаго, Александръ **Коровкинъ**, пошехонскаго, Иванъ **Смирновъ**, нижегородскаго, имени св. князя Владиміра, Дмитрій **Косоновъ**, павловскаго, Вячеславъ **Кирилловъ**, московскаго рогожскаго, Василій **Бойковъ**, бѣлевскаго, Василій **Волоцкой**, муромскаго, Николай **Самойловъ**,

воткинскаго, Петръ **Бѣляевъ**, камышловскаго, Георгій **Сухо-руковъ**, оханскаго, Алексѣй **Семеновъ**, златоустовскаго, Николай **Быковъ**, екатеринославскаго, Яковъ **Юрищъ**, кишиневскихъ: перваго, Викторъ **Михайличенко** и втораго Мартынъ **Здроймовскій**, оргѣвскаго, Василій **Архангельскій**, остерскаго, Александръ **Роговъ**, золотоношскаго, Николай **Бобровниковъ**, быховскаго, Игнатій **Котляръ**, газенпотскаго, Иванъ **Вольмеръ**, тюменскаго, Сергѣй **Виноградовъ** и пишпектскаго, Станиславъ **Волковскій**; штатные смотрители городскихъ училищъ: сквирскаго, Петръ **Рыжковъ** и чигиринскаго, Митрофанъ **Яценко**; смотритель ставропольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища Никифоръ **Ларионовъ**; врачъ харьковскаго городского училища Николай **Прейсъ** и учителя городскихъ училищъ: с-петербургскаго Вознесенскаго, Михаилъ **Петровъ**, гатчинскаго, Николай **Преображенскій**, петергофскаго, Александръ **Копытовскій**, орловскаго, сверхштатный, Митрофанъ **Опвейскій**, алатырскаго, Николай **Зефировъ**, пермскаго перваго, Петръ **Грузинцевъ**, богодуховскаго, Василій **Клоковъ**, ростовскаго-на Дону, Иванъ **Хохловъ**, двинскаго втораго, Андрей **Ровгачъ**, ревельскаго, Алексѣй **Акояченковъ**, туккумскаго, Фридрихъ **Янсонъ**, валкскаго, Августъ **Рйкманъ**, чимкентскаго, Константинъ **Кривцовъ** и казалнскаго, Всеволодъ **Подгорный**; коллежскіе ассессоры: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: павловскаго, Ѳеодотъ **Голубевъ** и зеньковскаго, Митрофанъ **Зѣвиченко**; штатный смотритель житомирскаго городского училища Харлампій **Садиленко** и учителя городскихъ училищъ: с.-петербургскаго Владимірскаго, Петръ **Силинъ**, винницкаго, Василій **Вотчининъ** и при московскомъ учительскомъ институтѣ, Иванъ **Коротинъ**, пріюта Цесаревны Маріи, учрежденнаго обществомъ попеченія о дѣтяхъ лицъ, ссылаемыхъ по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь: Илья **Смирновъ** и Сергѣй **Рыкуновъ**, и титулярный совѣтникъ врачъ нижнетагильскаго горнозаводскаго училища, Кипріанъ **Петровъ**; губернскіе секретари: инспекторъ народныхъ училищъ Волинской губерніи, Никита **Волошинъ**, и учитель-завѣдывающій первымъ воронежскимъ приходскимъ городскимъ училищемъ, Михаилъ **Вахтинъ** и не имѣющій чина инспекторъ николевскъ-уссурійскаго городского училища, Григорій **Родинъ**.

Св. Станислава 2-й степени: статскіе совѣтники: дирек-

торъ народныхъ училищъ Херсонской губерніи **Сергій Бого-
явленскій** и инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Ор-
ловской, Германъ **Высокосовъ**, Харьковской, Павелъ **Кви-
цинскій** и Виленской, Иванъ **Бокункинъ** и острова Саха-
лина, Удскаго и Хабаровскаго уѣздовъ, Приамурской об-
ласти, Иванъ **Якимовъ**; коллежскіе совѣтники: инспекторы
народныхъ училищъ: губерній: Вологодской, Алексѣй **Кала-
бановъ** и Варшавской, Илья **Кузенковъ** и Донской области,
Александръ **Первухинъ**; надворные совѣтники: инспекторы
народныхъ училищъ губерній: Московской, Константинъ **Ива-
новъ**, Воронежской, Александръ **Захаровъ**, Черниговской,
Исполить **Яснопольскій** и Иркутской, Степанъ **Григорьевъ**;
учителя-инспекторы городскихъ училищъ: с.-петербургскаго
казанскаго, Иванъ **Чернявскій**, Выборгскаго, Дмитрій **Добро-
тинъ**, моголскаго, Павелъ **Богоявленскій**, сѣвскаго, Яковъ
Поповъ, нижегородскаго перваго, Владиміръ **Граціановъ**, га-
личскаго, Петръ **Вичуговскій**, астраханскаго втораго, Нико-
лай **Скориковъ**, сарапульскаго, Яковъ **Бѣловъ**, царевосан-
чурскаго, Сергій **Колобовъ**, задонскаго Инокентій **Набока**,
землянскаго, исправляющій должность, Николай **Новосиль-
цевъ**, оренбургскаго перваго, Порфирій **Вяткинъ**, сева-
стопольскаго, Александръ **Нижнепаховъ**, еедосійскаго, Илья
Корецкій, аleshковскаго, Меодій **Даниловъ**, слонимскаго,
Петръ **Ватуринъ**, лядскаго, Евстафій **Ганецкій**, мого-
левскаго, Александръ **Луковниковъ**, рижскаго третьяго, Ва-
силій **Яхонтовъ**, ревельскаго Евгений **Соболевъ**, томскаго,
Александръ **Мисюревъ** и туркестанскаго, Иванъ **Скорбачевъ**
и учитель александрійскаго городского училища Степанъ **Сы-
чевъ**; коллежскій ассессоръ инспекторъ народныхъ училищъ
Тобольской губерніи Ельпидифоръ **Соколовъ** и не имѣющій
чина учитель-инспекторъ тверской школы ремесленныхъ уче-
никовъ Андрей **Коняевъ**.

Св. Станислава 3-й степени: коллежскіе совѣтники: ин-
спекторъ народныхъ училищъ Псковской губерніи Александръ
Кондратьевъ и учитель кунгурскаго городского училища Фе-
доръ **Предтеченскій**; надворные совѣтники: инспекторы народ-
ныхъ училищъ губерній: Курской Александръ **Сосновскій** и
Тобольской Ефимій **Григорьевъ**; учителя-инспекторы город-
скихъ училищъ: чухломскаго, Алексѣй **Лебедевъ**, дубовскаго,
Тимофѣй **Першевъ**, дмитріевскаго Александръ **Пиковъ**, красно-

слободскаго, Павелъ **Петровъ**, и валковскаго Василій **Мальцовъ**, врачъ омской гимназiи Абрамъ **Островскій** и учителя: городскихъ училищъ: устюженскаго Павелъ **Кедринскій**, московскихъ: третьяго Василій **Когтевъ** и солодовниковскаго Яковъ **Павловъ**, чернскаго Левъ **Ганьшинъ**, крапивенскаго Александръ **Ильинскій**, смоленскаго перваго: Николай **Городецкій** и Григорій **Назаровъ**, ряжскаго Иванъ **Горностаевъ**, меленковскаго, Василій **Залипаевъ**, уржумскаго, Никифоръ **Морозовъ**, бузулукскаго, Николай **Казимировъ**, уфимскаго перваго, Александръ **Зелнуховъ**, оргѣвскаго, Павелъ **Голынский**, очаковскаго, Иванъ **Гайчукъ**, и никольскъ-уссурійскаго Иванъ **Кожевъ**; коллежскіе ассессоры: инспекторы народныхъ училищъ губерній: Курской, Николай **Волоткинъ** и Минской, Григорій **Русецкій**; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: брянскаго перваго, Стефанъ **Головачевъ**, остатковскаго, Иванъ **Субботинъ**, крапивенскаго Несторъ **Знаменскій**, царевкокшайскаго, Николай **Холоповъ**, енотаевскаго, Сергій **Рубцовъ**, и тальсенскаго, Николай **Каминскій** и петровской ремесленной школы, Николай **Сержинскій**, почетный смотритель клинцовскаго городского училища Михаилъ **Самойловъ**; завѣдывающій александровскъ-грушевской низшей ремесленной школой Андрей **Шейкинъ**; и учителя: городскихъ училищъ: кемскаго Петръ **Астафьевъ**, мценскаго Алексѣй **Забѣловъ**, муромскаго Иванъ **Наумовъ**, переславскаго Георгій **Горстинъ**, скопинскаго Иванъ **Михайловъ**, калужскаго втораго Александръ **Маргоринъ**, костромскаго Петръ **Дроздовъ**, славянскаго Иванъ **Кудрявцевъ**, волчанскаго Иванъ **Ковалевъ**, валковскаго Василій **Чамовъ** и Николай **Кудрявцевъ**, пензенскаго перваго, Василій **Дружининъ**, нахичеванскаго на Дону, Владиміръ **Поляковъ**, астраханскаго перваго, Вячеславъ **Лихачевъ**, саратовскаго перваго, Авениръ **Казимировъ**, балашовскаго, Николай **Матвѣевъ**, екатеринбургскаго перваго, Петръ **Шагинъ**, верхотурскаго, Иванъ **Пастуховъ**, тронцакаго, Михаилъ **Чеканишковъ**, одесскаго имени В. Н. Лигина, Викторъ **Ивановъ**, борисовскаго, Степанъ **Трусъ** и ревельскаго Императрицы Екатерины II, Фрицъ **Калнинъ**, титулярные совѣтники: почетный смотритель енисейскаго городского училища Александръ **Баладинъ**, учитель школы ремесленныхъ учениковъ нижегородскихъ цеховыхъ Федоръ **Преображенскій**; учителя городскихъ училищъ: с.-петербургскаго Святотроицкаго, Па-

вель **Галанинь**, сольвычегодскаго, **Кондратій Стабриковъ**, астраханскаго второго, **Аѳанасій Рябовъ**, сызранскаго, **Матвѣй Орѣшниковъ**, царевосанчурскаго, **Михаилъ Черновъ**, краснокутскаго, **Герасима Дашкевича**, **Сергѣй Расторгуевъ**, александровскаго, **Василій Галенчикъ**, евпаторійскаго, **Иванъ Радзѣвскій**, минскаго перваго, **Исаакъ Щука**, везенбергскаго, **Юрій Мазингъ**, и тарскаго, **Василій Мельниковъ**, смотритель-учитель крестовскаго училища **Иванъ Берзинъ**, коллежскіе секретари: учитель-инспекторъ балаганскаго городского училища **Владиміръ Колокольцевъ**; штатный смотритель кѣвскаго городского училища, имени Н. Х. Бунге, **Григорій Холодный**; учителя городскихъ училищъ: жиздринскаго **Михайловскаго**, **Францъ Шнейдеръ**, спасскаго, **Николай Губинъ**, ахтырскаго, **Тихонъ Кравченко**, самарскаго второго: **Георгій Выровъ** и **Василій Тепловъ**, вольскаго, **Анатолій Смысловъ**, юрьевскаго, **Яковъ Провѣтовъ**, венденскаго, **Давидъ Состе**, и владивостокскаго, сверхштатный, **Степанъ Большаковъ** и училищъ: начальнаго при виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ, **Аркадій Егоровъ** и чарджуйскаго желѣзнодорожнаго **Радіонъ Лизаровъ**; смотрители-учителя училищъ: каахкинскаго-желѣзнодорожнаго, **Александръ Барханъ**, и николаевскаго, **Александръ Джарагеди**; учителя училищъ: образцаго при вейверской учительской семинаріи, **Густавъ Кесслеръ**, кѣвскаго перваго городского, **Михаилъ Богородицкій** и твевскаго городского, **Савва Ожожокъ--Ожданокъ** и завѣдывающій шполянскимъ приходскимъ училищемъ **Платонъ Джоховскій**; губернскіе секретари: почетные смотрители городскихъ училищъ: перекопскаго, **Лукіанъ Спендіаровъ** и звенигородскаго, **Акимъ Спроткинъ**; завѣдывающій лебединскимъ приходскимъ училищемъ **Андрей Иваницкій**; учителя училищъ: острожскаго городского, **Павель Столярецъ** и кизиль-арватскаго желѣзнодорожнаго, **Михаилъ Рыбкинъ**; учителя-завѣдывающіе приходскими училищами: нерехтскимъ, **Николай Груздевъ**, дмитріевскимъ, **Василій Брызгаловъ** и омскимъ Николаевскимъ, **Михаилъ Кислицынъ**; завѣдывающіе приходскими училищами: усть-бѣлокалитвинскимъ, **Иванъ Милондовъ** и дмитріевскимъ, **Матвѣй Гастевъ**; учителя: приходскихъ училищъ: старорусскаго: **Петръ Чижовъ** и **Александръ Савицкій**, касимовскаго второго, **Алексѣй Круглянскій**, равенбургскаго. **Федоръ Сазоновъ**, рославскаго, **Иванъ Лосевъ**, сумскаго, **Григорій Васильевскій**, качалинскаго, **Николай Жел-**

тухинъ, мелеховскаго, Дмитрій Диѣпровъ, алексѣевскаго-Григорій Дутовъ, таганрогскаго перваго Евгений Дьяконовъ, урюпинскаго второго, Василій Даниловскій, добринскаго Иванъ Сучилинъ, казанскаго четвертаго, Дмитрій Ивановъ, астраханскаго второго, Викторинъ Осиповъ, промзинскаго, Александръ Никифоровъ, уфимскаго третьяго, Трофимъ Трапезниковъ, лебединскаго, Евгений Костричко-Терешкевичъ, бѣлостокскаго Гоголевскаго, Константинъ Манюта и климовичскаго, Михаилъ Азаровъ и начальныхъ училищъ при яманскомъ сиротскомъ домѣ, въ гор. Митавѣ, Владиміръ Дункеръ п рижскаго шварценгофскаго городского соединеннаго, Яковъ Витте п учительскій помощникъ судогорскаго городского училища Петръ Сергіевскій; коллежскіе регистраторы: учитель-завѣдывающій сорокскимъ городскимъ приходскимъ училищвмъ Николай Серватовскій; завѣдывающій бѣлоцерковскимъ приходскимъ училищемъ Василій Гончаренко и учителя: приходскихъ училищъ: покровскаго, Михаилъ Ковалевъ, волчанскаго перваго, Николай Коноваловъ, атаманскаго, Андрей Прошенко, цимлянскаго, Иванъ Шевандринъ, нижекундрюческаго, Иванъ Васильевъ, мечетинскаго, Александръ Бородинъ, веселовскаго, Аврамъ Самсоновъ и новочеркасскаго третьяго, Козьма Балашовъ и начальныхъ училищъ: ревельскаго пятаго городского мужского, Сергѣй Морозовъ и казанскаго двадцатьперваго, Григорій Алексѣевъ; неизмѣющіе чина. учителя-инспекторы городскихъ училищъ: глазовскаго, Михаилъ Пронинъ, орловскаго, Василій Орѣшкинъ, постенскаго Николай Лебедь, полоцкаго Петръ Дейнисъ, семипалатинскаго, Иванъ Мирошниченко и каркаралипскаго, исправляющій должность Александръ Степановъ; учителя городскихъ училищъ: павловскаго Геннадій Громовъ, брянскаго второго Дмитрій Петровъ, цивильскаго, Александръ Храмцовъ, камышинскаго, Яковъ Мыльниковъ, рижскаго, Василій Бударяцевъ, валкскаго, сверхштатный, Сергѣй Данько, влоцлавскаго, Яковъ Супрончикъ и никольско-уссурійскаго, Густавъ Мялькъ; учитель завѣдывающій еланскимъ городскимъ приходскимъ училищемъ, Стефанъ Бреховъ; учителя приходскихъ училищъ: корчевскаго, Александръ Евдокимовъ, павловскаго перваго, Митрофанъ Нарцевъ, золотовскаго, Стефанъ Костинъ, жуковскаго, Иванъ Поповъ и пркутскаго второго Павла Пономарева, Гавріилъ Жарковъ и учительскій помощникъ пркутскаго городского училища Дмитрій Маньковъ.

ЗАЧИТАЕТСЯ въ дѣйствительную государственную службу время вольнонаемныхъ занятій: неимѣющимъ чина: временно исполняющему обязанности счетнаго чиновника управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ, канцелярскому служителю **Ивану Святненко**—въ департаментахъ: народнаго просвѣщенія, съ 1-го января 1903 г. по 1-е августа 1904 г. и общихъ дѣлъ, съ 1-го августа 1904 по 1-е января 1905 г.; завѣдывающимъ житомирскими городскими приходскими училищами: первымъ, **Федору Малугину**—въ должности учителя хоровецкаго народнаго училища, Заславскаго уѣзда, съ 12-го сентября 1893 г. по 12-е сентября 1896 г., и пятымъ **Александру Абелитѣ** въ должности помощника учителя житомирскаго перваго владимірскаго приходскаго училища, съ 1-го февраля 1896 г. по 1 февраля 1899 г. и учителямъ городскихъ училищъ: пружанскаго, **Александру Черешко**—въ должности народнаго учителя, съ 16-го января 1902 по 16-е января 1905 г., дубровскаго, **Зиновію Чаквину**—въ должности народнаго учителя, съ 1-го сентября 1897 г. по 1-е сентября 1900 г., и сѣнненскаго, **Константину Прокоповичу**—въ должности народнаго учителя, съ 1-го октября 1896 по 1-е октября 1899 г.

По Намѣстничеству Его Императорскаго Величества на Кавказѣ.

НАГРАЖДАЮТСЯ орденами: *св. равноапостольнаго князя Владимира 4-й степени*: статскіе совѣтники инспекторы народныхъ училищъ: Кутаисской губерніи, **Константинъ Мачавариани** и Терской области, **Маркъ Орель**.

Св. Анны 2-й степени: статскій совѣтникъ директоръ народныхъ училищъ Терской области **Василій Дѣвицкій**; директоръ вкродныхъ училищъ Кубанской области, коллежскій совѣтникъ **Владиміръ Скиданъ**; надворный совѣтникъ инспектеръ телавскаго городского училища **Семень Мажниковъ**.

Св. Анны 3-й степени: надворные совѣтники: инспекторы: народныхъ училищъ Бакинской губерніи, **Митрофанъ Замятинъ** и городскихъ училищъ: нухинскаго, **Юсуфъ-бекъ-Мамедъ-Багиръ-оглы Меликъ-Ахназаровъ**, сабунчинскаго трехкласснаго, **Алексѣй Горбикъ** и новобаязетскаго, **Иванъ Пнаевъ**; учителя городскихъ училищъ: эриванскаго Пушкинскаго, **Григорій Барчуладзе** и кутаисскаго трехкласснаго, **Порфирій Инасаридзо** и завѣдывающій новороссійской низшею ремесленною школою **Иванъ Кизилловъ**; коллежскіе ас-

ассесоры: инспекторы городских училищ: тифлискаго шестикласснаго, Петръ **Воевода** и темиръ-ханъ шуринскаго, Георгій **Мустановъ** и смотритель койлосарскаго двухкласснаго нормальнаго училища, титулярный совѣтникъ Павелъ **Эйвазовъ**.

Св. Станислава 2-й степени: надворный совѣтникъ инспекторъ батумскаго ремесленнаго училища Иванъ **Болодѣвъ** и коллежскій ассесоръ инспекторъ кутансскаго трехкласснаго городского училища Степанъ **Гагуа**.

Св. Станислава 3-й степени: титулярные совѣтники: инспекторы городских училищ: бакинскаго Михайловскаго, Станиславъ **Эрманъ** и нахичеванскаго, Иванъ **Санакоовъ** и смотритель улуханлинскаго двухкласснаго нормальнаго училища Мамедъ-бекъ-Лютванъ-бекъ-оглы **Казіевъ**; коллежскій секретарь смотритель сухумской городской школы Семень **Погуляевъ**; губернскіе секретари: учитель армавирскаго Александровскаго двухкласснаго училища Адрианъ **Розановъ**; смотритель камарлинскаго двухкласснаго училища Иосифъ **Маслаковъ** и помощникъ учителя александропольскаго городского училища Василий **Успенскій**; коллежскіе регистраторы: смотрители двухклассныхъ училищ: башнорашенскаго, Абдуль-Касимъ **Султановъ**, аштаракскаго нормальнаго, Алексѣй **Нахимовъ**, больше-караклискаго Георгій **Дженановъ**, сардарабатскаго, Мовсестъ **Теръ-Товмасовъ**, ямханскаго, Варданъ **Осиповъ** и талынскаго, Василий **Теръ-Ованесовъ**, неимѣющіе чина: инспекторъ сочинскаго городского училища Дмитрій **Панковъ**; завѣдывающій воронцово-александровской низшей ремесленной школой Василий **Скороглядовъ**; инспекторъ хочской школы ремесленныхъ учениковъ Константинъ **Соловьевъ**; смотритель манглисскаго двухкласснаго нормальнаго училища Алексѣй **Забѣлло-Бравцовъ** и руководитель слесарными работами елизаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища Петръ **Миловидовъ**.

СЛУГИ ОТЕЧЕСТВА.

(Записки изъ недавняго прошлаго-до смуты)

(Продолженіе).

VI.

— Ба! Настойчиковъ! милости просимъ, Арсеній Ѳеодоровичъ: давно не видались, раздалось нѣсколько голосовъ.

Арсеній Ѳеодоровичъ съ улыбкой расклапывался во всѣ стороны и пожималъ руки, которыя тянулись къ нему изъ всѣхъ угловъ. Это былъ очень юркій пожилой человѣкъ, въ коричневомъ пиджакѣ, въ высокихъ сапогахъ, съ небольшою русой бородкой, съ орлинымъ носомъ, съ глубокой складкой на высокомъ лбу и съ бородавками на лѣвой щекѣ.

— Что новенькаго въ вашихъ отдаленныхъ краяхъ? спросилъ Пахаревъ.

— Ничего особеннаго, Ивапъ Ильичъ. Въ нашихъ благословенныхъ краяхъ, отстоящихъ за сотни верстъ отъ ближайшихъ городовъ, тишина и спокойствіе. Развѣ услышишь иногда, что у Сидора медвѣдь убилъ корову, а у Максима двухъ... Или, что лошадь Протаса увязла въ болотѣ, что не могли ее найти до тѣхъ поръ, пока черные вороны не слетѣлись на тризну и своимъ карканьемъ не повѣдали окрестнымъ жителямъ, что они справляютъ поминки протасовой клячѣ.

— Но вѣдь въ тихихъ водахъ, говорятъ, черти водятся, замѣтилъ Самсонъ Ивановичъ: каковы ваши сосѣди?

— Сосѣди у насъ самые добрые: старикъ священ-

никъ—человѣкъ почтенный, такой же почтенный человѣкъ и дьячекъ—безобидные люди.

— Однако эти безобидные люди подсыпали вамъ перцу, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ехидно замѣтилъ Самсонъ Ивановичъ.

— Какого перцу? полюбопытствовалъ Ячейкинъ.

— А вотъ сейчасъ узнаете. Потрудитесь-ка рассказать, Арсеній Ѳеодоровичъ, ваше приключеніе: многіе изъ компаніи совсѣмъ не слыхали о немъ, произнесъ Подплываловъ и окинулъ взглядомъ все общество. „Я-то знаю,“ какъ будто говорилъ онъ.

— Приключеніе случилось давно. Оно забыто, отвѣчалъ Настойчиковъ.

— Такія вещи не скоро забываются, промолвилъ Подплываловъ: расскажите-ка, мы послушаемъ.

— Расскажите, Арсеній Ѳеодоровичъ, слышалось еще нѣсколько голосовъ.

— Ну, такъ слушайте, рѣшилъ Настойчиковъ:

— Около десяти лѣтъ тому назадъ, предсѣдатель училищнаго совѣта предложилъ мнѣ новое мѣсто, съ высшимъ окладомъ: разница въ содержаніи была рублей на тридцать въ годъ. Сразу я не могъ рѣшиться оставить «насиженное гнѣздышко», нужно было серьезно обсудить свое положеніе и я ничего опредѣленнаго не могъ сказать предсѣдателю относительно моего перемѣщенія. Меня особенно затрудняло то обстоятельство, что женился я въ мѣстности, гдѣ служу, имѣлъ сына лѣтъ пяти и дочь трехлѣтнюю. „Увезу ихъ верстъ за сто,“ думалъ я: „вдругъ они запросятся къ бабушкѣ, будутъ тосковать о ней... Что тогда подѣлаете съ ними? Покою не дадутъ!“ И я колебался. Нужно вамъ знать, что нашъ почтенный священникъ, отецъ Петръ, хотя и считался законоучителемъ ввѣренной мнѣ школы, но не преподавалъ въ пей: Закону Божію тоже я обучалъ дѣтей, на основаніи циркуляра училищнаго совѣта, въ которомъ говорилось, что въ случаѣ постоянного непосѣщенія законоучителемъ школы обязанность преподаванія Закона Божія возлагается на учителя. Въ мартѣ 1878 года ввѣренная мнѣ школа была преобразована въ министерское училище. Заручившись согласіемъ властей, мы рѣшились пролужать наше дѣло: я обучалъ дѣтей Закону Божію, а отецъ Петръ расписывался

въ журналѣ; онъ получалъ законоучительское жалованье за одинъ мѣсяць, а я за другой. Само собой разумѣется, что расписывался въ полученіи жалованья всегда онъ, и будто ужъ отъ себя платилъ мнѣ за преподаваніе. Содержаніе за іюнь мѣсяць присчитывалось мнѣ; но почтенный отецъ Петръ его не выдалъ, присвоилъ себѣ. Онъ полагалъ, что я непременно перемѣнусь на новое мѣсто, и что ему придется вести дѣло съ другимъ учителемъ; значить, со мной церемониться не стоило. Это обстоятельство сильно огорчило меня. Я сообщилъ официально г. инспектору, что отецъ законоучитель преподавать Закона Божія не можетъ и никогда не преподастъ; что если дѣти и выдержали испытаніе по этому предмету, то благодаря тому, что законъ Божій, на основаніи циркулярнаго предписанія училищнаго совѣта, до дня преобразования земской школы въ училище Министерства народнаго просвѣщенія, преподавался учителемъ, усѣвшимъ ко дню испытанія выполнить программу. Конію съ моего сообщенія я доставилъ отцу Петру: я дѣйствовалъ открыто. Черезъ два дня мы встрѣтились съ нимъ на праздникѣ у знакомыхъ. Онъ водки не пилъ, а я позволялъ себѣ протянуть рюмку—другую, иногда и лишнюю. Такъ случилось и на этотъ разъ. За обѣдомъ мы поссорились: я укорялъ его въ неблагодарности, въ присвоеніи восьми рублей тридцати трехъ копеекъ, заработанныхъ мною кровнымъ потомъ. День былъ ясный. Огня въ домѣ были открыты. Я говорилъ громко, почти кричалъ. Толпа любопытныхъ въ пестрыхъ праздничныхъ нарядахъ тѣснилась на улицѣ подь окнами: „слушаемъ, дескать, какъ учитель съ попомъ считаются“. Большой скандалъ вышелъ.

На другой день при встрѣчѣ съ батюшкой я извинился въ такой формѣ: „не оскорбилъ ли я вчера васъ, батюшка?“

— „Дюже, парень, ты меня отдѣлалъ... да это пустяки... если бы и подрались мы съ тобою, кому какое дѣло? Вотъ ты напрасно бумажное-то дѣло затѣялъ. Отослалъ бумагу-то?“

— „Отослалъ, батюшка.“

— Возьми мою лошадь, гони скорѣй въ городъ, возврати бумагу съ почты“.

— Поздо, батюшка, почта въ три часа ушла, а теперь около десяти: ее не догнать“.

Онъ задумался. Наконецъ сказалъ: „Ну, плохое дѣло,

парень. Я подамъ на тебя жалобу директору народныхъ училищъ. Ты первый началъ бумажное дѣло. Вотъ тебя увольятъ отъ должности-то, такъ и узнаешь каково начинать бумажныя дѣла: ты лучше дерись, а бумажныхъ дѣлъ не начинай“, назидательно говорилъ мнѣ отецъ Петръ.

— Вы, батюшка, дайте мнѣ копію съ вашей жалобы-то, чтобы я зналъ, въ чемъ вы меня обвинять будете.

— Ладно, парень, отчего не дать... Нѣтъ, не дамъ, подумавъ продолжалъ онъ: „ты на меня сердиться будешь“.

— „Не буду, батюшка, сердиться, не беспокойтесь“.

— Нѣтъ, разсердишься... Пожалуй, самъ тоже что-нибудь напишешь директору, либо въ консисторію. Еще больше кашу заваримъ, и не расхлебаешь“...

Дня черезъ три я снова встрѣтился со священникомъ.

— „Вотъ, парень, и я уже настрочилъ на тебя жалобу п отослалъ ее директору. Худое дѣло затѣяли мы, парень“.

— „Худое, батюшка“.

— „Тебя пожалуй вѣдь увольятъ отъ должности-то...“

— „Можетъ быть, и увольятъ. Вы дайте мнѣ копію-то съ вашей жалобы“.

— „Нѣтъ, парень, не дамъ: сердиться будешь“.

— „Не буду сердиться; право, не буду“.

— „Нѣтъ, разсердишься... Я вѣдь написалъ много“.

— „На что же сердиться? Вѣдь мы другъ другу зла не желаемъ: судимся нобожески, говоримъ правду, лгать не будемъ и предъ начальствомъ—пусть оно разсудитъ насъ. виноваты окажемся—и кару за то достойную понесемъ. Дѣлать нечего: сами виноваты, такъ роптать не на кого. Отчего бы вамъ не дать мнѣ коніи съ вашей жалобы? Я же доставилъ вамъ копію съ сообщенія инспектору, что вы не въ силахъ преподавать законъ Божій. Вы знаете, что я писалъ о васъ; а я-то не знаю, что вы на меня написали... Это какъ будто не хорошо“.

— „Ладно, парень, зайдн ко мнѣ когда-нибудь: я прочитаю тебѣ мое прошеніе“.

Вскорѣ посѣтилъ я батюшку на дому.

— „Пожалуй-ка, парень, давно не бывалъ. Худое дѣло мы затѣяли... А всетаки выпьемъ по рюмкѣ водки. Ужъ и я одну-то выпью. Ты чаю хочешь?“

— Нѣтъ, батюшка.

— „Не хочешь ли сбитню? Я вѣдь чаю не пью, сбитень пью—сбитень здоровѣе.

— Благодарю васъ... не хочу и сбитню.

— „Ну, таки водки?“

— Водки рюмку выпью.

Выпили,

— Потрудитесь, батюшка прочесть вашу жалобу-то.

— „Прочту. Отчего же не прочесть?“

Онъ вынулъ изъ столоваго ящика большую кину какихъ-то бумагъ, порылся въ ней и сказалъ:

— «Нѣтъ, парень, не буду читать—разсердишься... Послѣ все узнаешь».

Какъ ни настаивалъ я, онъ не согласился прочесть свою жалобу. Я даже подумалъ: «да хоть подана ли у него жалоба? Не думаетъ ли онъ просто поугатъ меня?» Но я ошибся: жалоба точно была подана.

Два мѣсяца начальство оставляло насъ въ покоѣ.

Въ началѣ сентября около двухъ часовъ ночи кто-то постучался у воротъ училищнаго зданія. Я вышелъ въ сѣни, открылъ ворота. Каково же было мое изумленіе, когда я увидѣлъ передъ собою высокую фигуру нашего инспектора.

— «Что вы надѣлали-то, Настойчиковъ?» тутъ же заговорилъ онъ: «вѣдь въ тридцать листовъ выросло дѣло! ай-ай-ай!»

Когда вошли въ комнату, я откровенно рассказалъ ему все, что послужило причиною разлада между священникомъ и мною.

— «А вѣдь директоръ предписалъ мнѣ уволить васъ отъ должности», замѣтилъ инспекторъ.

— «Творите волю пославшаго васъ», отвѣчалъ я покорно.

— «Ну, нѣтъ, такого учителя, какъ вы, я не могу уволить—скорѣе самъ подамъ въ отставку: вы у меня единственный учитель во всемъ районѣ—въ трехъ уѣздахъ... Дѣятельнѣе васъ я не встрѣчалъ учителей. Объ этомъ я уже сообщилъ его превосходительству.

— «Благодарю васъ».

— «Только, Бога ради, не вступайте ни въ какія ссоры со священникомъ».

— «Постараюсь: мы и теперь съ нимъ не ссоримся:

живемъ дружно, сожалѣемъ, что насъ постигло такое несчастье».

— «А все-таки онъ возвелъ на васъ тяжкія обвиненія. Онъ написалъ директору, что вы постовъ не соблюдаете, въ церковь не ходите; что на праздникъ вы позволили себѣ подергивать его за ризы во время служенія и при томъ обзывали неприличными словами».

— «Это неправда. Посты точно не всегда строго соблюдаю, а въ церковь хожу каждое воскресенье, каждый большой праздникъ, руковожу хоромъ, мной же составленнымъ. Относительно моего поведенія на праздникъ, на которомъ поссорились мы съ батюшкой, я уже имѣлъ честь сообщить вамъ; во время служенія молебна велъ себя прилично. Никакихъ выходовъ противъ батюшки не позволялъ себѣ, въ чемъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ, бывшіе съ нами».

Утромъ г. инспекторъ послалъ за священникомъ. Батюшка явился немного встревоженнымъ. Онъ принесъ намъ обоимъ по просфорѣ.

Г. Инспекторъ пригласилъ его въ особую комнату, гдѣ они оставались двое, съ глазу на глазъ, около получаса. О чемъ они тамъ толковали, осталось для меня навсегда тайной. Дѣло кончилось тѣмъ, что инспекторъ обязалъ насъ подписками впередъ не ссориться между собою. Въ своемъ актѣ по этому дѣлу онъ написалъ: «Если учитель Настойчиковъ дѣйствительно за послѣдній мѣсяцъ уклонился отъ строгаго соблюденія религиозныхъ обрядовъ, я нахожу полезнымъ поручить его попеченію отца законоучителя, чтобы онъ повліялъ на него, какъ духовный отецъ: по отзывамъ самого отца законоучителя Настойчиковъ всегда отличался строгаю набожностью и безукоризненнымъ поведеніемъ до послѣдняго случая съ нимъ на праздникъ».

Столкновеніе со священникомъ все-таки мнѣ обошлось недешево: оно много перепортило мнѣ крови, а въ глазахъ начальства бросило на меня нѣкоторую неблагоприятную тѣнь. Чтобы загладить свой проступокъ, я пересмотрѣлъ все, что до тѣхъ поръ было написано мною, выбралъ небольшой рассказъ изъ сельской жизни и послалъ его инспектору, а послѣдній высшему начальству. И рассказъ этотъ былъ напечатанъ, доставивъ мнѣ не одну сотню рублей и нѣкоторую извѣстность.

— Скажите, Арсеній Оедоровичъ, на чьей сторонѣ было сочувствіе мѣстныхъ обывателей въ процессѣ вашемъ со священникомъ: на вашей или на сторонѣ вашего противника? спросилъ Самсонъ Ивановичъ.

— Трудно сказать. Мнѣ казалось, какъ будто большинство мѣстныхъ крестьянъ мнѣ сочувствовало: они считали мое дѣло правымъ.

— Иначе и быть не могло, заключилъ Подилываловъ: въ селѣ единственный человекъ — учитель, который не только ничего лично для себя не беретъ съ обывателей, но не принимаетъ и добровольныхъ приношеній, подарковъ; между тѣмъ онъ первый готовъ оказать помощь бѣдняку, если она требуется для послѣдняго.

— А все-таки могло быть и иначе, вмѣшался Пахаревъ: то, о чемъ вы говорите, едва ли ставится въ заслугу учителю. У крестьянъ составилось мнѣніе, точно такъ же, какъ и у нашего начальства, что учитель долженъ дѣлать все бесплатно: составить хоръ и пѣть съ нимъ въ церкви, быть примѣрнымъ огородникомъ, садоводомъ, земледѣльцемъ, ремесленникомъ, пчеловодомъ и прочее. Нашъ братъ, по возможности, старается выполнить предписанія начальства. Крестьяне убѣждены, что батюшка ничего не долженъ дѣлать бесплатно, хотя онъ получаетъ жалованье побольше учительскаго; они убѣждены, что онъ поступаетъ совершенно справедливо, если беретъ плату за свадьбы, похороны, крестины и за всякій свой трудъ. Слѣдовательно, они не видятъ особенной заслуги учителя, если онъ, напримѣръ, поетъ съ хоромъ въ храмѣ бесплатно; имъ показалось бы дикимъ, несправедливымъ платить ему за пѣніе потому, что онъ долженъ это дѣлать, какъ христіанинъ, долженъ самъ умѣть молиться и научить другихъ тому же. Въ прошломъ году въ нашемъ селѣ производилась перестройка церкви. На освященіе по случаю обновленія храма были приглашены окрестные священники, всего пять человекъ, съ благочиннымъ во главѣ. Отслужили всенощную и обѣдню. Я пѣлаю педѣлю съ малютками разучивалъ стихиры и все, съ чѣмъ они не были знакомы въ пѣніи при освященіи. Лично надрывалъ себѣ грудь и горло, досталось и дѣтямъ. По окончаніи торжества для батюшекъ былъ устроенъ обѣдъ, стоявшій приходу около двадцати пяти рублей. По-

пято, меня тоже пригласили къ обѣду. Послѣ него староста уплатилъ всѣмъ батюшкамъ по три рубля, благочинному— пять; но онъ еще потребовалъ за подводку три рубля, дескать за двѣнадцать верстъ прѣхаль на своей лошади. Приѣмъ батюшекъ обошелся приходу рублей въ пятьдесятъ; все, что было насбирано съ молящихся, перемѣстилось въ батюшкины карманы. Мнѣ же за пѣніе церковный староста сказалъ «спасибо», но никакой платы не предложилъ. Онъ убѣжденъ, что учитель все долженъ дѣлать бесплатно, «за спасибо». Ну, а батюшки—другое дѣло: тѣмъ слѣдуетъ дать. Мнѣ думается, прихожане чаще бываютъ на сторонѣ батюшки, а не учителя; конечно, за исключеніемъ случаевъ, когда несправедливость перваго и невинность послѣдняго будутъ для нихъ очевидны.

— А гдѣ завтра будетъ совѣщаніе? спросилъ Ячейкинъ.

— Въ зданіи городского училища, отвѣтилъ Самсонъ Ивановичъ и прибавилъ: я-то знаю.

— Рано соберемся?

— Въ десять часовъ утра. А теперь пожалуй время и по квартирамъ расходиться.

VI.

На другой день ровно въ десять часовъ явился я въ зданіе городского училища. Здѣсь уже были Пахаревъ, Настойчиковъ, Ячейкинъ и другіе, всѣхъ около двадцати человѣкъ. Подпывалова и Загуляева не было. Первый, вѣроятно, дѣлалъ визиты своимъ городскимъ пріятелямъ и сообщалъ имъ новости, о которыхъ онъ пронюхалъ отъ своихъ сельскихъ сотрудниковъ; а второй, можетъ быть, составилъ партію въ картишки. Въ половинѣ одиннадцатаго вошелъ въ залу Лаврентій Михайловичъ Катилловъ, нашъ инспекторъ.

Это былъ человѣкъ средняго роста, лѣтъ сорока отъ роду, съ густою, черною, окладистою бородою, съ огромнымъ носомъ, съ пронзительными черными глазами, сверкавшими сквозь очки въ золотой оправѣ. Признаковъ сѣдины не замѣчалось ни въ бородѣ, ни въ густыхъ волосахъ его головы. На немъ была русская холстинная рубашка, съ вышитыми красною бумагою на подолѣ, рукавахъ и вороту узорами; подпоясанъ былъ широкимъ бумажнымъ поясомъ. Онъ весело привѣтствовать собравшихся; въ отвѣтъ ему послышалось дружное «здравствуйте, Лаврентій Михайловичъ». Онъ по-пріятельски

пожалъ руки. Онъ былъ чловѣкъ весьма беззащитный, веселый, юмористъ, умѣлъ всякаго собесѣдника расположить къ собѣ. Любилъ много говорить; тотчасъ обыкновенно прерывалъ всякаго, кто намѣревался сдѣлать ему возраженіе, или высказать свое мнѣніе: «Это такъ, я согласенъ, но»... И плавная рѣчь его текла живою волною; собесѣднику оставалось только слушать. Съ нимъ не было скучно. Равные его уважали; подчиненные боялись, любили, уважали. Онъ такъ убѣдительно говорилъ, что всякій, слушавшій его, невольно соглашался съ нимъ, и только потомъ спохватывался и говорилъ: «а вѣдь онъ одурачилъ меня—совершенно ослѣпилъ... Онъ неправъ, слѣдовало бы возражать ему, а не соглашаться съ нимъ».

Самсонъ Ивановичъ, при своей способности къ подражанію, многое заимствовалъ отъ него, и хотя старался казаться ему благодѣтельствованнымъ имъ, по въ душѣ его недолюбливалъ, завидовалъ его успѣху, въ пухъ и прахъ разносилъ его учебники, рассказывалъ про него забавные анекдоты своимъ многочисленнымъ пріятелямъ.

Лаврентій Михайловичъ считался между подчиненными хорошимъ начальникомъ. Иногда любилъ поднудить надъ ними. Разъ пришелъ къ нему молодой учитель просить разрѣшенія на женитьбу. Катюловъ, безъ замедленія выдавъ разрѣшеніе, говорилъ молодому чловѣку: «Жениться хорошее дѣло; женится чловѣкъ—перемѣнится; всякому учителю слѣдовало бы жениться. Семейная жизнь спокойнѣе: жена и обѣдъ приготовить, и бѣлье, и всякую всячину... Я самъ тогда только и узналъ счастье, какъ женился»... Молодой чловѣкъ слушалъ его съ улыбкою. Едва онъ вышелъ за двери, ободренный мнѣніемъ начальства о его будущности, какъ Лаврентій Михайловичъ сказалъ другимъ учителямъ, бывшимъ тогда у него: «Славный бы парень этотъ молодой чловѣкъ, очень хороший, только глупъ, какъ пробка; глупъ вокурать по это мѣсто (Лаврентій Михайловичъ провелъ пальцемъ по лбу надъ бровями); жениться захотѣлъ молокосось, а содержанія получаетъ двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ». Иногда Лаврентій Михайловичъ, отзываясь о комъ-нибудь заочно, говорилъ: «глупъ, какъ три бревна и два лаптя», что Самсонъ Ивановичъ находилъ весьма остроумнымъ и улыбался широкою улыбкою, благоговѣя предъ начальствомъ.

Но возвратимся къ прерванному разсказу.

Мы окружили Лаврентія Михайловича такъ, что онъ очутился въ центрѣ.

«Господа», обратился онъ къ намъ съ рѣчью: «я долженъ вамъ сообщить новость, крайне непріятную для меня въ томъ отношеніи, что я долженъ разстаться съ вами: меня переводятъ въ другую губернію на постъ директора народныхъ училищъ».

«Поздравляемъ васъ, Лаврентій Михайловичъ», дружно воскликнули мы.

«Я долженъ сознаться, что новое назначеніе обрадовало меня и въ то же время огорчило: я расстаюсь съ вами: во многихъ изъ васъ я вижу надежныхъ сотрудниковъ, людей, преданныхъ всей душой великому дѣлу просвѣщенія; привыкъ васъ любить и уважать; въ числѣ васъ есть истые богатыри, знатоки дѣла и самоотверженные работники. Если кому-нибудь изъ васъ вздумается перемѣститься во ввѣренную мнѣ дирекцію, съ удовольствіемъ дамъ лучшее мѣсто, сдѣлаю все, чѣмъ могу быть вамъ полезнымъ».

Въ это время въ комнату вошли Самсонъ Ивановичъ и Карпъ Петровичъ. Первый съ развязностью, граничащею съ нахальствомъ, раздвинулъ кругъ и пожалъ руку Катилу, громко произнося: «Вы уже здѣсь? а я забѣжалъ къ Шкурятину и заболтался»...

— Позвольте, Самсонъ Ивановичъ, прервалъ инспекторъ и продолжалъ: на этотъ разъ мы совѣщаться не будемъ по педагогическимъ дѣламъ. Вечеромъ соберемся въ гостиницу «Золотой Якорь» —поужинаемъ вмѣстѣ на прощанье; а пока до свиданья, сказалъ онъ, сдѣлалъ общій поклонъ и быстро удалился.

— Что случилось? спросилъ Самсонъ Ивановичъ.

— Лаврентія Михайловича переводятъ на постъ директора, отвѣтилъ я.

Самсонъ Ивановичъ сконфузился: какъ это онъ далъ маху, не первый узналъ объ этомъ и уронилъ репутацію всезнающаго; впрочемъ онъ скоро оправился и произнесъ: «я-то давно уже зналъ, что Лаврентій Михайловичъ улетучится отъ насъ на высшій постъ», и поспѣшно исчезъ, чтобы сообщить новость городскимъ пріятелямъ.

Въ восемь часовъ вечера мы всѣ собрались въ гостиницу «Золотой Якорь». Карпъ Петровичъ Загуляевъ взялъ фу-

ражку, опустил въ нее собственную трехрублевку и началъ обходить товарищей, предлагая жертвовать на ужинъ по желанію. Въ фуражку насыпались рубли, полтинники, четвертаки. У немногихъ остались еще копейки на рукахъ. Собрано было около двадцати рублей. Явился Лаврентій Михайловичъ и усѣлся на почетное мѣсто за накрытымъ столомъ. Рюмки, наполненныя водкой, стояли на краяхъ круглаго стола правильнымъ рядомъ, точно столбики ограды, а въ срединѣ стола лежали ветчина, пкра, сыръ и ломти ржаного хлѣба. Воцарилось полное молчаніе. Я произнесъ: «за здоровье любезнаго Лаврентія Михайловича». «Ура!» отвѣтило общество и опорожнило рюмки. Последнія снова наполнились, благодаря опытности Загуляева въ этомъ дѣлѣ.

«Наставникамъ, хранившимъ юность нашу!» произнесъ я стихъ Пушкина. Дружиде *ура* было отвѣтомъ и на этотъ разъ. Катилонъ усадилъ меня подлѣ себя и начали пить здоровье всѣхъ присутствующихъ по старшинству службы. Было шумно и весело. «Кутите, господа», шутилъ Катилонъ: «ничего не опасайтесь — полиція подкуплена». Эта выходка начальника многихъ ободрила и польстила. Нѣкоторые же такъ расчувствовались, что даже поплакали; въ числѣ ихъ былъ и Самсонъ Ивановичъ: онъ тоже разрѣшилъ выпить малость для такого знаменательнаго случая. Разошлись очень поздно. Лаврентій Михайловичъ сказалъ на прощанье, что съ нѣкоторыми изъ насъ онъ еще увидится передъ отъѣздомъ; а, обращаясь къ Загуляеву, прибавилъ: «къ вамъ, Карпъ Петровичъ, пріѣду еще водку пить!»

VIII.

Черезъ двѣ недѣли нѣкоторые изъ насъ снова собрались въ городъ на проводы Лаврентія Михайловича Катилова. Былъ чудный день. Ни пятнышка на всемъ небосклонѣ. Яркое солнышко заливало ослѣпительнымъ свѣтомъ главы церквей, зелень садовъ, просторъ полей и зеркальную поверхность большого озера, на возвышенномъ берегу котораго раскинулся городъ. У пароходной пристани толпилось много народа въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Ломовые извозчики то и дѣло подвозили разные тюки, мѣшки съ мукой, кули соли, головы сахару, деревянные ящики разныхъ размѣровъ. Въ толпѣ шмыгали служки мужскихъ и женскихъ монастырей съ

плоскими блюдами, покрытыми полинявшими съ газовыми крестами пеленами, на которыхъ лежали маленькіе образки святыхъ и дань набожныхъ людей: мѣдные пятаки, семитки и копѣйки Булочницы и мальчики разносчики съ плоскими лотками назойливо предлагали публикѣ свои товары.

Въ три четверти десятаго къ пристани подкатила карета. Городовой услужливо отворилъ дверцу, и изъ нея вышелъ Лаврентій Михайловичъ съ женой и дѣтьми. Его тотчасъ же мы окружили и чуть не на рукахъ занесли на пароходъ. Онъ помѣстился съ нами во второмъ классѣ, а семейство его прошло въ первый классъ. Ровно въ десять часовъ пароходная прислуга предупредила извозчиковъ, чтобы подержали лошадей. Едва успѣли кучера загнуть уши рысаковъ и зажать ихъ ноздри, какъ раздался пронзительный свистокъ, и черезъ минуту послѣ него послышалась команда капитана: «отчаливай»! Пароходъ медленно отошелъ отъ пристани. Мы съ Лаврентіемъ Михайловичемъ стояли на верхней палубѣ. Онъ, снявъ шляпу, раскланивался, а съ пристани и берега махали платками, шляпами и фуражками его знакомые. Когда пристань исчезла изъ виду, мы спустились въ каюту. Здѣсь Лаврентій Михайловичъ сообщилъ намъ, что его учебники одобрены училищнымъ совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для церковно-приходскихъ школъ.

— Но вѣдь церковно-приходскія школы существуютъ только на бумагѣ, замѣтилъ Самсонъ Ивановичъ: я — то вѣдь знаю. У насъ у отца Андрея по крайней мѣрѣ три года числится такая школа, а онъ и трехъ человекъ не научилъ грамотѣ. Правда, разъ онъ собралъ около 15 учениковъ, но кого бы, вы думали? Переманилъ монахъ изъ старшаго отдѣленія, даже записалъ нѣкоторыхъ окончившихъ курсъ въ министерскомъ училищѣ! Нѣтъ, думаю, батя, шалишь: научи-ка самъ, а моихъ не тронь. Я посовѣтовалъ ребятамъ вернуться въ свою школу, и они вернулись. Разсказывали, какъ ихъ сначала заманивали въ церковно-приходскую школу, а когда это не помогло — угрозами вогнали. Батюшка собственныхъ своихъ дѣтей посылалъ учиться ко мнѣ, въ министерское училище, а крестьянскихъ зоветь къ себѣ въ церковно-приходскую школу. Вотъ какъ у нихъ поставлено дѣло.

— Не вездѣ такъ поставлено дѣло, Самсонъ Ивановичъ. Есть на Руси дѣйствительныя церковно-приходскія школы, а не фнѣтливныя, сказалъ я.

— И прибавьте: во всѣхъ этихъ школахъ все обстоитъ благополучно; успѣхи поразительные, иначе и не оцѣниваются, какъ пятью баллами, а учащихся цѣлыя сотни.

— Отчасти вы правду говорите, согласился Лаврентій Михайловичъ.

Намъ подали завтракъ. Послѣ двухъ рюмокъ столовой всѣ повеселѣли, оживились, общій разговоръ припалъ иное направленіе: посыпались анекдоты, остроты, прибаутки.

— Иванъ Ильичъ, обратился Лаврентій Михайловичъ къ Пахареву; мы поѣдемъ мимо вашего поселка: нельзя ли будетъ у васъ взять четверть молока для дѣтей?

— Можно будетъ доставить, сколько вамъ угодно: молокомъ мы богаты, отвѣчалъ Пахаревъ.

До поселка Пахарева оставалось около двухъ верстъ, а до пароходной пристани около версты. Мы вышли на палубу. Черезъ нѣсколько минутъ пароходъ уже остановился у пристани. Все населеніе небольшой деревни, расположенной на крутомъ берегу рѣки, ожидало здѣсь его прибытія: день былъ воскресный. Пахаревъ сказалъ Лаврентію Михайловичу, что молоко опъ возьметъ въ этой деревнѣ: у поселка неудобно останавливать пароходъ; затѣмъ, взявъ порожнюю четвертную бутылъ, Пахаревъ обратился къ мужичкамъ, стоявшимъ на берегу:

— Господа, потрудитесь наполнить эту бутылку свѣжимъ молокомъ въ мой счетъ, поскорѣе!

— Сейчасъ, Иванъ Ильичъ, отвѣтилъ одинъ изъ крестьянъ, принявъ бутылку и побѣжалъ въ хижину.

— Вотъ такъ учитель! воскликнулъ Лаврентій Михайловичъ: пріѣхалъ въ чужую деревню, распорядился, и все готово къ его услугамъ.

— Слово учителя велико, отвѣчалъ повеселѣвшій Пахаревъ: оно и воду въ вино претворяетъ.

Школа Пахарева отстоитъ отъ здѣшней мѣстности верстахъ въ тридцати; а его поселокъ, гдѣ онъ проживаетъ лѣтомъ, въ одной верствѣ отъ упомянутой деревушки, жители которой преданы ему всей душой, такъ какъ онъ ссужаетъ ихъ въ трудныхъ обстоятельствахъ разными продуктами: сѣномъ, соломой, хлѣбомъ, во божески къ нимъ относится.

Мы проводили Лаврентія Михайловича до встрѣчи съ другимъ пароходомъ и поѣхали обратно. На пути высѣдился въ поселкѣ Пахарева.

Нась встрѣтила на берегу хозяйка, здоровая, красивая женщина, лѣтъ тридцати восьми, и дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ шестнадцати. Мы шумно направились къ дому.

Поселокъ Пахарева совершенно новый, возникшій всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Всѣ постройки въ немъ чистыя, прочныя. Онъ расположенъ на низменной равнинѣ. Кругомъ раскинулись гладкіе луга, среди которыхъ красуются маленькія рощи; а далѣе посѣвы озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ. Мы удивлялись энергіи хозяина, создавшаго этотъ поселокъ, потому что знали, что около десяти лѣтъ тому назадъ, было здѣсь болотистое мѣсто, сплошь покрытое толстыми пнями и колодами.

Я съ Самсономъ Ивановичемъ нарочно пріѣзжалъ осматривать участокъ, пріобрѣтенный Пахаревымъ, такъ какъ слышалъ, что на немъ онъ задумалъ свить себѣ гнѣздышко, гдѣ бы могъ пріютиться подъ старость. Сознаюсь, что мнѣ самая мысль образовать здѣсь поселокъ казалась тогда дикой, неосуществимой при тѣхъ ничтожныхъ средствахъ, какими располагаетъ сельскій учитель; а Самсонъ Ивановичъ замѣтилъ: «но вѣдь можно ожидать, что нашъ сумасбродный пріятель попытается осуществить свою мысль, во что бы то ни стало, хотя едва ли достанетъ его силъ и средствъ на такое дѣло». Надо замѣтить, что Иванъ Ильичъ былъ однимъ изъ первыхъ учителей въ уѣздѣ со спеціальной подготовкой, былъ пионеромъ въ выработкѣ типа земской школы, соотвѣтствующей современнымъ потребностямъ, и мы много у него заимствовали, уважали его свѣтлый умъ и возвышенную душу. Онъ первый поставилъ свою школу на значительную высоту; Самсонъ Ивановичъ, спустя три года выступившій на учительствованіе, былъ сначала простымъ подражателемъ Пахарева, и только черезъ нѣсколько лѣтъ практически выработалъ самостоятельные приемы по преподаванію и обнаружилъ замѣчательный педагогическій тактъ, доставившій ему почетъ и уваженіе между товарищами и авторитетъ прекраснаго учителя въ мѣстности. Подплываловъ и Пахаревъ — гордость уѣзда; но послѣдній, обладая достоинствами перваго, не имѣетъ большинства его недостатковъ. Правда, Пахаревъ можетъ показаться на первый взглядъ грубоватымъ: не такъ тонокъ въ обращеніи съ людьми; но это есть слѣдствіе прямоты и искренности его характера. Онъ необыкновенно трудолюбивъ,

на пустяки не тратить времени: въ свободное отъ классныхъ занятій время занимается столярничествомъ, токарнымъ искусствомъ, набивкою чучель, а лѣтомъ сельскимъ хозяйствомъ. И несмотря на все это, находитъ время еще пописывать: двѣ книжки его одобрены для школъ ученымъ комитетомъ; написаны нѣсколько недурныхъ рассказовъ, чѣмъ пріобрѣлъ нѣкоторую долю извѣстности въ литературныхъ кружкахъ. Лично познакомился съ нѣкоторыми извѣстными писателями. Майковъ и Полонскій признали за нимъ несомнѣнное поэтическое дарованіе. Въ характерѣ его есть еще черта, рѣзко отличающая его отъ характера Самсона Ивановича: отвращеніе къ карточнымъ играмъ и вообще къ играмъ сопряженнымъ съ денежнымъ интересомъ; не любитъ охоты и охотниковъ—бить птицъ для того только, чтобы ѣсть ихъ мясо, считаетъ жестокимъ, не согласнымъ съ правилами нравственности.

Въ домѣ товарища по школѣ и профессіи мы встрѣтили радушный пріемъ: «настежь двери и сердце», какъ говорится. Гостепрѣимная и ласковая хозяйка угостила насъ чаемъ со сливками; затѣмъ была подана закуска съ выпивкой. Мы весело бесѣдовали объ отъѣздѣ Катилова, о странностяхъ его характера, о поселкѣ Пахарева и вообще о сельскомъ хозяйствѣ; конечно, не забыли потолковать и о школьныхъ дѣлахъ: о приключеніяхъ въ учебномъ году и на экзаменахъ; о томъ, будетъ ли учреждена пенсія сельскимъ учителямъ, вопросъ о которой началъ разсматриваться, по слухамъ, въ министерствѣ очень давно... по крайней мѣрѣ о томъ говорятъ уже болѣе десяти лѣтъ.

Въ числѣ гостей были и молодые учителя и учительницы, мало знакомые съ хозяевами и ихъ поселкомъ, и потому просили Ивана Ильича рассказать исторію его возникновенія. Хозяинъ, желая удовлетворить любопытству гостей, рѣшился протитать печатный отчетъ о своихъ занятіяхъ по сельскому хозяйству, пригласивъ насъ въ березовую рощу, находящуюся въ двадцати шагахъ отъ дома, передъ самымъ крыльцомъ его. Мы размѣстились въ густой тѣни, гдѣ было прохладно, пахло грибами и полевыми цвѣтами, густо пестрѣвшими на лугахъ, тянувшихся отъ самага дома на сотни сажень. Среди рощи стоялъ небольшой столъ, сколоченный изъ тесу, а кругомъ его скамьи. Но нѣкоторые изъ насъ предпочли сидѣть на старыхъ

пняхъ, одѣтыхъ густымъ зеленымъ мхомъ, точно бархатомъ. Самсонъ Ивановичъ стоялъ, прислонившись къ старой березѣ и скрестивъ на груди руки. Хозяинъ усѣлся за столъ, развернулъ небольшую брошюру и началъ звучнымъ, чистымъ, мелодическимъ голосомъ читать.

IX.

Стчетъ Пахарева.

Мои друзья—лопата и топоръ,
Не даромъ я считаю ихъ оплотомъ;
Вѣдь мнѣ въ удѣлъ достался съ раннихъ поръ
Тяжелый трудъ надъ дѣвственнымъ болотомъ:
Копая рвы, корчую пни въ упоръ...
Мой каждый шагъ отмѣченъ кровнымъ потомъ.
Дай, Боже, силъ мнѣ пашенку создать,
И на нее пошли святую благодать!

По берегу большого озера тянется неширокая полоса топучихъ болотъ, частію принадлежащихъ казнѣ, частію составляющихъ крестьянскій надѣлъ и собственность разныхъ землевладѣльцевъ. Когда-то полоса эта была покрыта густыми хвойными лѣсами, о чемъ свидѣтельствуетъ множество толстыхъ пней, торчащихъ на ней повсюду; но въ настоящее время она почти лишена не только строевого, но и порядочнаго дровяного лѣса. Исключенія очень рѣдки. Только на казенномъ участкѣ сохранился не особенно толстый строевой лѣсокъ, остальное пространство ея загромождено валежникомъ, полусгнившими колодами, пнями, сучьями и вершинами. Таковъ былъ и тотъ участокъ, который я приобрѣлъ за четыреста пятьдесятъ рублей.

Но земля въ томъ видѣ, въ какомъ была приобретена мною, не могла приносить процентовъ, соответствующихъ затраченному на покупку ея капиталу, и, слѣдовательно, была убыточна; нужно было производить новыя затраты на расчистку ея. Въ сентябрѣ того же года я выбралъ мѣстечко требующее меньшей затраты труда и капитала, и рѣшилъ вычистить его для покоса. Расчистку произвести взялся одинъ, лично мнѣ знакомый, трудолюбивый и добросовѣстный крестьянинъ за тридцать шесть рублей съ десятины. Въ теченіе осени онъ съ товарищами успѣлъ расчистить 1800 квадратныхъ сажень. Лѣтомъ слѣдующаго года съ нихъ было снято сѣна

около тридцати пудовъ, по тогдашнимъ цѣнамъ на шесть рублей; а на другое лѣто былъ поставленъ стогъ сѣна, за который я получилъ девятнадцать рублей. Первый опытъ въ расчисткѣ болота былъ удаченъ и утѣшителенъ: блеснула надежда въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ весь участокъ преобразовать въ плодотворную равнину—имѣть хотя какое-нибудь обезпеченіе на «черный день», который у сельскаго учителя «не за горами, а за плечами».

Всякое новое дѣло рождаетъ много толковъ и раздоровъ, особенно между людьми, которымъ не суждено было никогда напрягать своихъ физическихъ и душевныхъ силъ до высшей степени, чтобы занять подобающее мѣсто въ обществѣ—имъ оно дается даромъ, по наслѣдству. Зажиточный мужичекъ обрабатываетъ и засѣваетъ землю, Богъ знаетъ, кѣмъ обращенную въ пахоть и сѣнокось; обрабатываетъ на лошади, которую онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца, или вскормилъ самъ исподоволь, и ему кажется неразумнымъ тратить силы и деньги на расчистку болотъ. Наслушаешься, бывало, различныхъ толковъ, и станетъ грустно. Одни пронически поощряютъ: «трудитесь, Богъ труды любитъ». Это на ихъ языкъ значитъ: «пустяками занимаетесь, даромъ губите силы и деньги». Болѣе откровенные говорятъ: «шалыня у васъ деньги, если бросаете ихъ въ это болото». Одинъ очень хорошій мой знакомый, образованный человѣкъ, старшина и дѣлецъ, крестьянинъ, сказалъ мнѣ: «въ болото лѣзутъ одни дураки, а умные люди всегда взбираются на гору». Конечно, встрѣчались люди и сочувственно относившіеся къ нашему дѣлу; пріятно было слышать ихъ добрыя рѣчи, такъ какъ на предпріятіе было затрачено все состояніе, заключавшееся въ нѣсколькихъ сотняхъ рублей, скопленныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ изъ сбереженій жалованья и кое-чѣмъ заработанныхъ въ свободное отъ классныхъ занятій время.

Участокъ мой находится въ тридцати верстахъ отъ училища, въ которомъ я состою на службѣ. Весною 188. года, какъ только прекратились классныя занятія, я съ семействомъ переселился на все лѣто въ сосѣднюю деревню, находящуюся въ одной верстѣ отъ участка, и нанялъ въ ней квартиру за полтора рубля въ мѣсяць. Отсюда мы съ женою и ходили обрабатывать землю: уходили, бывало, рано, когда еще мѣстные крестьяне спали; а возвращались очень поздно, и опять

встрѣчали сосѣдей спящими. Иногда двое успѣвали столько сработать въ день, сколько сосѣди не могли сдѣлать семьями въ нѣсколько человѣкъ.

Разъ мы очень устали: въ теченіе дня высушили и сносили сѣно къ мѣсту, гдѣ надлежало быть стогу. Жена была въ тягости. Она утаптывала сѣно, стоя на стогу; я же подавалъ его вилами. Когда стогъ достигъ значительной высоты и нужно было завершить его, я снялъ съ него жену (ей опасно было оставаться на его вершинѣ) и поднялъ на стогъ десятилѣтняго сына, мальчика еще очень неопытнаго. Сначала дѣло шло благополучно, но при послѣднемъ навильникѣ онъ не устоялъ и упалъ съ самой вершины. Я полагаю, что онъ сильно ушибся, ибо ничего сказать не могъ; но, слава Богу, несчастія не случилось: мальчикъ только испугался и отъ страха ничего не говорилъ въ первую минуту.

Случались и курьезы. Однажды, около двѣнадцати часовъ ночи, я возвращался съ работы въ деревню по берегу рѣки. Въ лѣсу я корчевалъ кустарникъ. Понятно, работая, запачкалъ грязью и костюмъ, непохожій на костюмъ обыкновеннаго рабочаго, и лицо, и старую высокую шляпу. На плечѣ моемъ была шляхта съ длиннымъ топоричесемъ — орудіе въ родѣ топора, но съ лезвіемъ перпендикулярнымъ къ топоричу. Повстрѣчался со мной мужичекъ, и суевѣрный страхъ отразился на его лицѣ: должно быть, онъ принялъ меня за лѣшаго. «Что у тебя, дядюшка, топорь-то не какъ у добрыхъ людей»? робко спросилъ онъ Съ моей стороны послѣдовало объясненіе, и прохожій нѣсколько успокоился. Этотъ случай напомнилъ мнѣ легенду о болотистомъ берегѣ и далъ поводъ набросать слѣдующее стихотвореніе:

Лежало здѣсь тонучее болото;
Устроилъ въ немъ гнѣздо нечистый духъ.
Придетъ гроза—засвищетъ дико кто-то,
Запляшетъ чортъ, и слышно „бухъ“ и „бухъ!“

Не въ наши дни лукавый поселился,
Пугалъ людей и въ годы старины.
Но какъ-то здѣсь учитель появился,
Купилъ пріютъ сѣдого сатаны

И, взявъ топоръ, лопату, грабли, вилы,
Онъ впрахъ разнесъ жилище духа тьмы...
И вотъ съ тѣхъ поръ царятъ святыя силы,

И благодать ихъ ясно видимъ мы:

Нашъ взоръ ласкають полосы пшеницы,
Одѣтъ въ цвѣты пахучіе лужокъ...
И льется пѣснь плѣнительная жницы,
И вторитъ ей пастушескій рожокъ.

Первая канавка была вырыта на разстояніи трехсотъше-
стидесяти сажень; она мнѣ стоила болѣе тридцати шести ру-
блей и оказалась очень полезна, осушила полосу, къ ней
прилегающую, настолько, что представилась возможность про-
ѣзжать на лошади; до прорытія же канавки съ трудомъ про-
ходилъ по ней человекъ; мы сами вязли по колѣна на мѣстѣ,
гдѣ стоитъ нашъ домъ. Такъ мало-по-малу продолжалъ я рас-
чищать заросли, загроможденныя валежни мѣ, ежегодно уве-
личивая площадь сѣнныхъ покосовъ. Кромѣ личного труда
ежегодно затрачивалось на расчистку отъ 50 до 70 рублей,
въ нѣкоторые годы расходовалось и болѣе. Разработка была
очень трудна: случалось, что выкорчуютъ толстый пень, под-
нимъ оказывается другой, такой же толстый и здоровый—вѣ-
водѣ медленно гниетъ дерево. Расчистить десятину подъ по-
косъ стоило около сорока рублей, подъ пахоть около семиде-
сяти, а съ канавками и покупной цѣной десятина пахоти
стоитъ мнѣ болѣе ста рублей. На первыхъ порахъ земля не
возвращала того, что на нее затрачивалось, но было очевид-
но, что въ недалекомъ будущемъ она вознаградитъ меня за
всѣ труды и лишенія. Сначала мы вели сѣнное хозяйство: сѣ-
но продавалось по высокой цѣнѣ, отъ тридцати до сорока
копеекъ за пудъ, на него былъ большой спросъ; при прода-
жѣ его выручались деньги, затраченныя на расчистку.

Нѣсколько лѣтъ спустя, было приступлено къ постройкѣ
дома, которая черезъ годъ была закончена благополучно. Она
обошлась не дешево: на нее затрачено около 1200 рублей.
Конечно, приходилось пользоваться кредитомъ, помогали до-
брые люди: давали на слово, безъ всякихъ письменныхъ до-
кументовъ, деньги, хлѣбъ, лѣсные матеріалы... Въ числѣ за-
имодавцевъ были и свои братья—сельскіе учителя. Мнѣ было
крайне непріятно займовать—не могъ быть спокойнымъ, имѣя
долги; но дѣлать было нечего: заварилъ кашу, потребовалось
масло. Съ ужасомъ глядѣлъ я на будущее, когда, подведя
итоги, увидѣлъ, что остаюсь долженъ людямъ около трехсотъ
рублей, а наличныхъ денегъ ни гроша въ карманѣ! Остава-

лась надежда на помощь Божію и собственныя силы. И, благодаря Творцу, долги были выплачены съ меньшимъ напряженіемъ силъ, чѣмъ предполагалось. Меня спрашивали: по чему я началъ строить поселокъ, не расчистивъ всей земли? вѣдь голезиѣ было бы сначала затратить деньги на расчистку, чѣмъ на постройку: тогда послѣднюю можно бы произвести на доходы съ земли! Это вѣрно. Послѣ свадьбы—всякій тысяцкій! Но у меня былъ свой расчетъ: во-первыхъ мнѣ невыгодно было проживать на чужихъ квартирахъ: терялось не производительно много времени на ходьбу изъ деревни на пустошь для производства работъ; иногда, бывало, изъ деревни и вовсе не ходили на работу. то «поздно» покажется, то погода не благопріятствовала; а живя на своей землѣ, я лично и моя семья имѣли болѣе возможности съ пользою затратить время; во-вторыхъ мнѣ нуженъ былъ караулъ за пустошью; въ-третьихъ, представился случай сравнительно недорого купить лѣса; въ четвертыхъ, я не полагалъ, по неопытности, что постройка обойдется такъ дорого.

Хлѣбопашествомъ я началъ заниматься позже, чѣмъ луговоеводство, и первые опыты были неудачны. Сѣялъ яровые хлѣба: пшеницу, ячмень, овесъ; урожаи были плохи; еле-еле покрывались расходы по обработкѣ земли. Это происходило отъ того, что почва была недостаточно осушена. Только за послѣдніе годы получены вполне удовлетворительные результаты. Въ настоящее время у меня расчищенной земли имѣется около 7-ми десятинъ подъ покосами и около шести подъ пашнею. Можетъ быть къ настоящему времени я успѣлъ бы значительно улучшить свое хозяйство, но часть средствъ за послѣдніе годы пришлось удѣлить на воспитаніе дѣтей, на содержание ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Не велика моя долина, но прекрасна. Она родитъ самое-пятнадцатую рожь, самъ-восьмой овесъ, самъ-двѣнадцатый ячмень и пшеницу. Она имѣетъ благотворное вліяніе на крестьянъ-землепашцевъ, которые ясно поняли—во что можно обратить болото при извѣстной затратѣ труда, времени и капитала. Десять лѣтъ тому назадъ можно было купить у крестьянъ-собственниковъ болотные участки земли съ лѣсомъ, смежные съ моимъ, по двадцати рублей за десятину; нынѣ же не купишь ихъ и за очень высокую цѣну. Крестьяне сами начали осушать мѣстность и превращать ее въ покосы. Бу-

детъ время, когда они начнутъ разрабатывать ее и подъ пахоть.

Огородничествомъ я занимаюсь въ небольшихъ размѣрахъ. Собираю овощей столько, сколько мнѣ требуется для собственнаго семейства и наемныхъ работниковъ въ теченіи года; небольшой излишекъ продаю или кормлю имъ домашній скоть.

Было положено мною начало и садоводству, но неудачно: яблони и груши, выписанныя изъ Риги, медленно развиваются: насколько вырастаютъ лѣтомъ, настолько же погибаютъ зимою отъ морозовъ, не смотря на то, что деревья тщательно покрываются соломой. Нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ погибли—шестидесятый градусъ широты да еще на сѣверномъ склонѣ возвышенности, не щадить ихъ. Но все-таки я продолжаю попытки положить начало садоводству.

Главная задача моя—достигнуть возможной степени совершенства въ производствѣ зернового хозяйства; нашъ край прежде всего нуждается въ насущномъ хлѣбѣ, а урожай у крестьянъ плохи. Иногда я снабжаю окрестныхъ жителей сѣменною рожью, обмѣнивая ее пудъ за пудъ, хотя это для меня и убыточно: въ крестьянской ржи встрѣчаются сѣмена сорныхъ травъ.

Одинъ извѣстный экономистъ, побывавшій въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества, не исключая и Кавказа, и посѣтившій мое маленькое имѣніе, высказался, что онъ встрѣчаетъ первое явленіе въ Россіи, чтобы сельскій учитель по собственной инициативѣ превратилъ топучее болото въ луга и пашни.

— Вотъ все, что я могу сообщить вамъ, мои друзья, обращайтесь къ намъ, проканесь хозяинъ.

Х.

Во все время чтенія отчета Самсонъ Ивановичъ спокойно поглядывалъ то на гостей, то на хозяина. Ему было жутко. Онъ тоже писалъ начальству отчетъ о своей сельскохозяйственной дѣятельности, полагая, что онъ совершилъ подвигъ, достойный благосклоннаго вниманія властныхъ, такъ какъ онъ при училищѣ устроилъ огородъ въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ саженъ; посадилъ нѣсколько ягодныхъ кустовъ и увѣрялъ, что все это *«немалыя трудозъ стоило»*. Самсонъ Ивановичъ на необязательный личный свой трудъ, хотя

и самый ничтожный, привыкъ смотрѣть какъ на необыкновенное явленіе; онъ какъ будто не зналъ, что всякій изъ его товарищей по профессіи сдѣлалъ по сельскому хозяйству гораздо больше, чѣмъ онъ, и считаетъ это дѣло самымъ обыкновеннымъ, незаслуживающимъ того, чтобы о немъ писать начальству въ годовыхъ отчетахъ. Въ одномъ изъ такихъ отчетовъ Подплываловъ говорилъ: «при училищѣ имѣется десятина безжизненной, подзолистой земли, на которой росъ только тощій, мелкій кустарникъ. Не малыхъ трудовъ стоило этотъ безжизненный пустырь обратить въ плодородную почву. Приходилось прежде всего вырубить и повыдергать съ корнемъ кустарникъ, чтобы имѣть возможность взрыхлить почву сохой». Дикими кажутся эти строки всякому, кто, хотя немного, знакомъ съ сельскимъ хозяйствомъ. Какъ согласовать *этотъ безжизненный пустырь съ трудностью повыдергать съ корнемъ мелкій кустарникъ?* Если корни кустарника находились глубоко въ почвѣ, значить пустырь былъ не безжизненный; если же не глубоко—какой же трудъ освободиться отъ нихъ? И кто *повыдергиваетъ* корни, готова землю подъ пахоть?— «Не имѣя никакой теоретической сельскохозяйственной подготовки, я не зналъ другого способа культивировать этотъ безжизненный участокъ иначе, какъ создать за немъ искусственно плодородный слой почвы», говорилось дальше: «и года черезъ два я уже получалъ съ него удовлетворительные урожаи пшеницы».—Незнакомый съ обстоятельствами дѣла можетъ подумать, что рѣчь идетъ о превращеніи какой-нибудь пустыни въ плодородную землю. На самомъ же дѣлѣ Самсонъ Ивачовичъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ съ сотней питомцевъ удобрилъ клочекъ обыкновенной земли при училищѣ, клочекъ, на которомъ высѣвается три гарнца пшеницы, и удобрилъ его самымъ первобытнымъ способомъ... Или, гочѣе сказать, удобрилъ его ученики, даже не сознавая, что они производили въ нѣкоторомъ родѣ полезное дѣло, которое со временемъ ихъ учитель возведетъ въ подвигъ, хотя подобное удобреніе училищной земли и не одобряется санитарнымъ надзоромъ.—Огородъ же давалъ долго крайне печальные результаты; но происходило это, какъ оказалось теперь, не отъ одной толь-ко бѣдности почвы, а болѣе всего отъ полнаго моего незна-нія, какъ вести огородное хозяйство. Благодаря сельско-хозяйственнымъ курсамъ (огородничества, садоводства и пчело-

водства), устроеннымъ въ 189. году для начальныхъ учителей при—ской учительской семинаріи, гдѣ и я находился въ числѣ слушателей курсовъ, приходилось ясно убѣдиться, что причины нашихъ неудачъ въ хозяйствѣ кроются въ нашемъ полномъ незнаніи, какъ вести дѣло. Лѣтъ за девять до курсовъ, вокругъ зданія семинаріи я видѣлъ, почти тождественный съ моимъ училищнымъ, бездоходный пустырь земли десятины въ четыре; а черезъ этотъ, сравнительно короткій промежутокъ времени, пустырь этотъ благодаря знанію и умѣнію вести дѣло, превратился въ такой «медовый уголокъ», который нельзя промѣнять на довольно солидное и цѣнное хозяйство. Пройдетъ еще пять лѣтъ, и, навѣрное, по красотѣ и силѣ дохода, этотъ счастливый уголокъ займетъ подобающее мѣсто въ исторіи культуры сѣверной природы».

Какъ видите, Самсонъ Ивановичъ выражается высокопарнымъ слогомъ; но жаль, что вы были лишены возможности видѣть—какое внушительное выраженіе принимало его лицо, когда онъ писалъ и читалъ эти знаменательныя строки! Жаль только, что во всей этой болтовнѣ мало правды. Учительская семинарія, о которой говорится въ отчетѣ Подплывалова, находится въ одномъ изъ самыхъ предприимчивыхъ городовъ (въ чертѣ которыхъ пустырей не бываетъ), расположенныхъ въ плодородной долинѣ большой рѣки. Многіе изъ сотрудниковъ Самсона Ивановича посѣщали семинарію вмѣстѣ съ нимъ, а никакого бездоходнаго пустыря не видали. Справедливо только то, что за послѣдніе годы разбить при семинаріи небольшой садъ и устроена хорошая пасѣка.— «Вернувшись съ курсовъ», говорится въ отчетѣ дальше— «какъ-то совѣстно и обидно казалось за свое невѣжество, въ смыслѣ веденія сельскаго хозяйства, а потому я немедленно же принялся за устройство школьнаго огорода. Послѣдній, съ устройствомъ парника для равней выгонки рассады и новой системы обработки, далъ мнѣ возможность на цѣлый годъ для моей большой семьи запасти всевозможныхъ овощей; особенно хороша была капуста. Глядь я также подвергъ болѣе глубокой вснашкѣ, и урожай на ней почти удвоился».

Здѣсь справедливо только то, что Самсонъ Ивановичъ рѣшилъ устроить огородъ при училищѣ, а производство работъ возложилъ на дѣвицу, служащую въ качествѣ сторожа: она копала землю, строила гряды, набивала парники, полола овощи,

словомъ производила всѣ работы, будучи практически знакома съ огородничествомъ. Пахоти никакой *болѣе глубокой вспашкѣ* Подпываловъ не подвергалъ, потому, что самъ отъ роду не пахивалъ, никакихъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій не имѣлъ и не имѣеть; а пахалъ у него землю мѣстный крестьянинъ своей обыкновенной сохой, какъ и всегда у себя пахивалъ. Въ заключеніе отчета говорится:

«Въ настоящее же лѣто кладу и начало пасѣкъ, приобрѣта *уже* двѣ семьи пчелъ съ пасѣки—ской учительской семинаріи».

Въ послѣдней фразѣ тоже заключается грѣшокъ, и вся она звучитъ фальшиво, особенно слово *уже*. Самсонъ Ивановичъ желаетъ показать, что онъ первый вводитъ пчеловодство въ мѣстности. А это невѣрно.

Молодой учитель Михайло Борисовичъ Ячейкинъ, вмѣстѣ съ Подпываловымъ бывшій на сельско-хозяйственныхъ курсахъ, уже болѣе пяти лѣтъ занимается пчеловодствомъ и основалъ нѣсколько пасѣкъ. И двѣ семьи пчелъ, о которыхъ говорится въ отчетѣ, взяты съ пасѣки Ячейкина, а не съ пасѣки семинаріи, хотя и принадлежать послѣдней. Объяснимся. Клада начало пчеловодству въ мѣстности, Ячейкинъ двѣ семьи приобрѣлъ за деньги, двѣ другихъ взялъ у директора семинаріи на условіяхъ доставлять половину полученнаго съ нихъ дохода послѣднему. Ячейкинъ имѣеть уже около двадцати семей собственныхъ, и въ семинарскихъ пчелахъ не нуждается, о чемъ извѣстилъ кого слѣдуетъ. Узнавъ объ этомъ, Самсонъ Ивановичъ просилъ директора уступить ихъ ему на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ были уступлены онѣ Ячейкину.

Но почему же Самсонъ Ивановичъ не написалъ правды въ отчетѣ? Вѣдь такъ бы и слѣдовало писать, какъ было дѣло? Полагаю, не трудно догадаться. Онъ—тонкій дипломатъ: желаетъ разомъ убить трехъ зайцевъ: во-первыхъ, показаться проводникомъ въ мѣстности усовершенствованій по сельскому хозяйству; во вторыхъ, за это получить денежное пособіе, назначаемое учителямъ; въ-третьихъ, польстивъ, расположить къ себѣ директора—ской семинаріи Задуваева, челоуѣка очень вліятельнаго, имѣющаго большія связи и слыущаго за опытнаго сельскаго хозяина. По этому-то онъ и говорить «о медовомъ уголкѣ» при семинаріи, основанномъ на «безжизненномъ пустырьѣ», «почти тождественномъ съ безжизненнымъ, подзолц-

стымъ участкомъ при его училищѣ, на которомъ Самсонъ Ивановичъ, благодаря сельско-хозяйственнымъ курсамъ, устроеннымъ тѣмъ же Задуваевымъ, основалъ свое благополучіе: устроилъ огородъ и пахоть. Чтобы польстить сильному, онъ даже взвелъ на себя клевету, будто онъ до курсовъ былъ полный невѣжда въ сельскомъ хозяйствѣ, хотя самъ крестьянинъ по происхожденію и всю жизнь проводитъ въ деревнѣ. Онъ не однажды убѣдился на опытѣ, какъ выгодна бываетъ иногда реклама для него самого и тѣхъ лицъ, кому онъ желаетъ угодить. И подобными средствами онъ нерѣдко достигалъ намѣченной цѣли.

Во время чтенія отчета Пахаревымъ, Самсонъ Ивановичъ озирался кругомъ, чтобы убѣдиться, точно ли дѣйствительность соотвѣтствуетъ описанію, нѣтъ ли въ послѣднемъ чего-нибудь прикрашеннаго, преувеличеннаго; но ничего подозрительнаго не нашелъ и выслушалъ все съ глубочайшимъ молчаніемъ: придаться было не къ чему.

— Великое дѣло сдѣлали вы, Иванъ Ильичъ, обративъ въ луга и пахоти болото, загроможденное вѣковыми пнями и колодами, замѣтила молодая учительница Наталья Алексѣевна Ягодкина.

— Добрую память вы оставите о себѣ въ мѣстности; намъ молодымъ учителямъ дали большой урокъ, замѣтилъ Ячейкинъ.

— Вы слишкомъ добры, господа, отвѣтилъ хозяинъ: правда, въ теченіи десяти лѣтъ мое семейство много потрудилось; самъ я немало позаботился, поболѣла душа, но, Богъ помогъ, все обошлось благополучно: вѣдь поселокъ мой создавался постепенно, и только тѣмъ, кто видѣлъ эту мѣстность десять лѣтъ тому назадъ, и потомъ не видѣлъ до появленія поселка, послѣдній можетъ показаться какъ будто выросшимъ изъ земли.

— Вотъ мнѣ опъ такимъ и кажется, Иванъ Ильичъ, замѣтилъ я: будто какимъ-нибудь волшебствомъ ужасное болото замѣнено роскошными лугами и нивами. Вѣроятно, и вы согласитесь со мной, Самсонъ Ивановичъ: помните, мы съ вами были здѣсь, пока топоръ и лопата еще не приступали къ дѣлу.

— Какже, какже, помню. Сознѣюся, я тогда мало вѣрилъ въ успѣхъ предиріятія... А вотъ оно что вышло. Слава и честь нашему товарищу.

Послѣ бесѣды въ роцѣ мы прогулялись по полямъ. Травы и хлѣба были поразительно хороши: дѣвственная почва еще не требовала удобренія и щедро вознаграждала земледѣльца.

— Я слышалъ, вы лично пашете, Иванъ Ильичъ? спросилъ Ячейкинъ.

— Да, когда позволяютъ обстоятельства и не находится въ моемъ распоряженіи другого пахаря.

Мы съ любопытствомъ осматривали каждую канаву, мостикъ, даже дикіе кусты, хотя въ послѣднихъ, новидимому, не было ничего замѣчательнаго; правда, нѣкоторые находили, что на нихъ листъ толще, жирнѣе, зеленѣе, чѣмъ на кустахъ другихъ мѣстностей.

Въ одной изъ роцъ въ полѣ мы присѣли отдохнуть и долго бесѣдовали о разныхъ разностяхъ. Я лежалъ на землѣ. Недалеко отъ меня подъ тѣнью развѣсистой ивы сидѣли Ячейкинъ и Ягодкина. Они о чемъ-то спорили въ полголоса. На бѣлыхъ щекахъ дѣвушки по временамъ вспыхивалъ румянецъ, а черныя брови хмурились, впрочемъ только на одно мгновеніе: собесѣдница Ячейкина была очень умная, добрая дѣвушка; безобидно шутила съ молодымъ человѣкомъ, а на алыхъ губахъ ея блуждала майская улыбка.

По возвращеніи съ прогулки гостепріимные хозяева снова угостили насъ чаемъ и закуской; на этотъ разъ не въ домѣ, а на открытомъ воздухѣ, подъ тѣнью березовой рощи.

— Все хорошо въ вашемъ поселкѣ, Иванъ Ильичъ, замѣтилъ Подплываловъ, только есть одинъ недостатокъ.

— Какой недостатокъ?

— Садикъ у васъ въ запущеніи: въ немъ цвѣтовъ нѣтъ, т. е. мало цвѣтовъ.

— Ну, съ этимъ недостаткомъ мы примиряемся. Строго говоря, у насъ и садика-то вовсе нѣтъ: только подъ окнами посажено нѣсколько плодовыхъ деревьевъ, но они еще такія маленькія.

— А цвѣтовъ слѣдовало бы посадить: я при училищѣ устроилъ клумбы, насадилъ цвѣтовъ — просто прелесть.

— Помплуйте, Самсонъ Ивановичъ; здѣсь цвѣтовъ нѣтъ? возразилъ Ячейкинъ: посмотрите на эти луга... отъ самаго дома до дальней рощи пестрѣютъ цвѣты въ такомъ множествѣ! мои пчелы собрали бы съ нихъ дань богатую.

— Но это дикіе цвѣты: ихъ не лелѣяла рука хозяина. Нѣтъ, пріятно взглянуть на дѣло рукъ своихъ.

— Здѣшнему хозяину, вѣроятно, еще пріятнѣе взглянуть на цвѣтеніе ржи, достигающей саженой высоты, чѣмъ вамъ на ваши садовые цвѣты, потому, что это дѣло рукъ его. Да и много ли у васъ цвѣтовъ при училищѣ? Недѣля тому назадъ, я былъ у васъ --осматривалъ вашу пасѣку; и, признаться, особенно много цвѣтовъ не видѣлъ.

— Какъ? а помните двѣ клумбы передъ самыми окнами?

— Ха-ха-ха! разразился Ячейкипъ: такъ это и есть дѣло рукъ вашихъ? спросилъ онъ и снова заился смѣхомъ: вотъ такъ цвѣтники! Господа, у Самсона Ивановича въ клумбахъ десятка по два цвѣтовъ махроваго мака!

Все общество засмѣялось.

— Макомъ-то и у меня цѣлый огородъ за дворомъ засѣянъ, замѣтилъ Пахаревъ.

Но Ячейкипъ не унимался: — это такимъ людямъ пріятно любоваться садовыми цвѣтами, которые цѣлое лѣто гуляютъ, не щелкнувъ пальцемъ о палецъ, или охотятся въ сообществѣ «дѣйствительно прекрасныхъ» людей; а у Ивана Ильича есть много дѣла посерьезнѣе забавъ и развлеченій.

Замѣчаніе Ячейкина очень огорчило Подплывалова: онъ никакъ не ожидалъ выслушать его изъ устъ еще такого молодого учителя; презрительно взглянувъ на него, онъ отвернулся и пошелъ изъ рощи. Вслѣдъ за нимъ и мы поднялись съ мѣсть: солнце уже склонялось къ горизонту, и намъ надлежало возвратиться въ городъ. Черезъ полчаса мы распростились съ гостепримными хозяевами и оставили ихъ прекрасный уголокъ: сѣли въ лодку и поѣхали. Вечеръ былъ чудный. Хозяева стояли на берегу и махали платками, пока мы не исчезли изъ виду.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Сельскій учитель.

ПРИНЦИПЪ САМОДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛѢ.

Правильнымъ методомъ обученія считается въ настоящее время тотъ, который вмѣстѣ съ минимальнымъ количествомъ знаній и умѣній даетъ учащемуся всестороннее развитіе душевныхъ способностей, являющееся цѣлью обученія. Къ сожалѣнію, нерѣдко приходится читать, слышать и наблюдать, что все стараніе учащихся и среднихъ и низшихъ школъ сводится исключительно къ передачѣ ученикамъ знаній и выработкѣ въ нихъ умѣній, положенныхъ программю. Воспитательная сторона дѣла игнорируется; она представляется сама себѣ, на сколько сможетъ получиться. Средства, так. обр., дѣлаются цѣлью. Вся педагогическая дѣятельность учителя сводится, въ лучшемъ случаѣ, къ ясному, точному, убѣдительному изложенію учебнаго матеріала, а со стороны ученика требуется вниманіе во время разъясненія или изложенія учителемъ и прилежаніе во время заучиванія, упражненія, усвоенія того, что преподано. При этомъ выражается увѣренность, что сами по себѣ усвоенныя, понятыя и хорошо организованная учителемъ знанія окажутъ развивающее значеніе на интеллектъ учащагося.

Эта увѣренность основана на мнѣніи, что умъ исключительно измѣряется суммою пріобрѣтенныхъ знаній, и на опредѣленіи К. Д. Ушинскаго, что умъ есть хорошо организованная сумма знаній.

Въ настоящее время въ устраиваемыхъ во время педагогическихъ сѣздовъ и курсовъ временныхъ школахъ лучшіе практиканты учителя и сами руководители курсовъ на своихъ урокахъ доводили ясность, точность и интересность передачи учебнаго матеріала до совершенства. Урокъ прохо-

диль блестяще. Ученики не могут не понять. При этомъ слово „интересность“ понимается не въ смыслѣ соотвѣтствія учебнаго матеріала съ запасомъ представленій, понятій учащагося, а въ смыслѣ легкости усвоенія знаній, для чего даже научныя истины облакаются въ шутивую форму въ родѣ синтаксической сказки о запятой (см. отд. библіографіи № 4 Р. III.)

Однако общество ставитъ школѣ упрекъ, что ученики, хотя и отличаются многознайствомъ, но поверхностнымъ, легко забываемымъ, выходятъ изъ школы со слабыми умственными запросами, что назыв. дряблыми умомъ и жесткими сердцемъ.

Ненормальное положеніе учебнаго дѣла рѣдко кѣмъ не сознается и изъ насъ, учащихся начальныхъ училищъ. Мало того, мы даже объясняемъ причины и предлагаемъ средства къ устраненію ихъ. Самыми распространенными причинами мы выставляемъ—многолюдность учащихся на одного учителя, дѣленіе учениковъ на группы и обширность обязательной программы при краткости учебнаго времени.

Такимъ обр. средствами лучшей постановки учебно-воспитательнаго дѣла являются, по нашему мнѣнію, сокращеніе числа учениковъ на одного учителя (примѣрно до 40), раздѣленныхъ не болѣе, какъ на два отдѣленія, и расширеніе курса однокл. школы до четырехлѣтняго, при двухъ учителяхъ, а въ двухклассныхъ училищахъ до 6-ти годичнаго при трехъ учителяхъ.

Съ этими доводами рѣдко кто не соглашается. Они просты, понятны и для неспеціалиста, но къ сожалѣнію не такъ легко исполнимы и для лицъ, власть имѣющихъ.

Между тѣмъ жизнь не идетъ, къ школѣ предъявляются все новыя и новыя требованія какъ чисто воспитательнаго характера, такъ и въ смыслѣ количества и качества знаній. Положеніе учителя начальной школы дѣлается просто невыносимымъ. Съ одной стороны даютъ его все тѣже, по нашему мнѣнію, тормазы правильнаго обученія—и многолюдность и дробность классовъ и все разрастающаяся подъ давленіемъ жизни программа; а съ другой—мучаетъ сознаніе, что дѣло идетъ неладно, пропекаютъ только начинка учениковъ, муштровка ихъ къ экзамену или къ ревизіи начальства, кончающіяся полнымъ обезличеніемъ ребенка и даже рецидивизмомъ. По-

лучается своего рода какъ бы заколдованный кругъ, въ которомъ заключенъ учитель.

Мнѣ думается, что положеніе уже не такъ отчаянно, что выходъ есть, и выходъ простой, зависящій исключительно отъ насъ самихъ. Не въ томъ главная бѣда, что школы многолюдны и программа велика (это внѣшнія причины), а въ томъ, что мы позабыли важное педагогическое положеніе Сократа, которое онъ формулировалъ прекраснымъ сравненіемъ роли учителя съ ролью акушерки, т. е. ученики должны не учиться учителемъ, а подъ руководствомъ учителя сами учиться. Ж. Руссо идетъ дальше: онъ говоритъ, что его Эмиль должѣнъ не учиться наукамъ, а изобрѣтать ихъ. Иными словами-обученіе должно быть строго обосновано на принципѣ самодѣтельности, оно должно носить характеръ самообразованія. Учитель и вся классная обстановка должны являться только благопріятными условіями для самообученія. При строгомъ проведеніи этого принципа въ школьную практику, мы сумѣемъ дать ученикамъ прочныя знанія и воспитать людей самодѣтельныхъ, съ инициативой, способныхъ ориентироваться и въ жизненной борьбѣ вытти побѣдителемъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Тогда знанія учащагося будутъ дѣйствительно организованы, т. е. жизненны, составлять часть его умственного я и отождествляться со словомъ *умъ*.

При догматическомъ методѣ преподаванія сокращеніе числа учениковъ на одного учителя, сгруппированныхъ въ два отдѣленія, и увеличеніе числа лѣтъ ученія не принесутъ положительныхъ результатовъ. Они приведутъ еще къ большому обезличенію ученика, къ полному подавленію самодѣтельности, такъ какъ для ясности, точности, убѣдительности передачи учителемъ, и прочнаго усвоенія учениковъ откроется большій просторъ. Этотъ методъ преподаванія даже ведетъ къ ужасающимъ послѣдствіямъ,—онъ есть умственный паразитизмъ и, какъ таковой, ведетъ къ атрофіи умственныхъ способностей въ лучшихъ ея проявленіяхъ.

Можетъ быть въ нашей начальной школѣ догматическій методъ обученія примѣняется, какъ неизбѣжность, по малой подготовленности учениковъ младшей и средней группъ къ эвристическому методу и по неудобству учебнаго матеріала, но въ старшихъ отдѣленіяхъ не упускаются случаи, когда можно примѣнить эвристическій методъ и, такъ обр., возбудить самодѣтельность учениковъ.

На это позволю себѣ нарисовать небольшую картину школьной работы съ перваго дня ученія.

Вотъ передъ учителемъ толпа ребятшекъ 8—9 лѣтъ. Иные изъ нихъ пугливо жмутся другъ къ другу, другіе съ интересомъ оглядываютъ классную обстановку; нѣкоторые о чемъ-то шепчутся и поглядываютъ на учителя. Начинается, такъ назыв., знакомство съ учениками. Учитель поочередно спрашиваетъ малышей, какъ ихъ имя, отчество и фамилія, гдѣ они живутъ, кто домашніе, чѣмъ они занимаются. Спрашивается, не умѣетъ-ли кто читать, считать. Грамотѣи и счетчики приглашаются показать свое умѣнье. Попутно заставляютъ почитать и остальныхъ, кто докуда можетъ. Затѣмъ учитель иногда читаетъ дѣтямъ сказочку и вопросами исчерпываетъ содержаніе ея; побесѣдуетъ еще о классныхъ порядкахъ, какъ нужно ученику вести себя въ классѣ, на улицѣ, рано-ли приходитъ въ школу, что приносить съ собою, и распускаетъ дѣтей до слѣдующаго дня.

Со втораго дня уже начинается, въ большинствѣ случаевъ, настоящая учеба до 12 ч. дня ежедневно. Въ первыя двѣ недѣли расчетливый и экономный на время учитель старается пройти возможно болѣе. Онъ познакомитъ учениковъ съ анализомъ слова, съ письмомъ элементовъ буквъ и со всѣми четырьмя дѣйствіями въ предѣлѣ 10, а также съ чтеніемъ и письмомъ словъ изъ выдѣленныхъ 6—7 буквъ.

Работы малышу 7—8 лѣтъ очень много и работы довольно трудной (отвлеченной) и мало интересной, иногда просто непонятной. Приходится мычать, пищать, говорить, что „корова“ состоитъ изъ трехъ частей, а „мама“—изъ двухъ. Къ Рождеству большая часть дѣтей одолѣла несливаемое сліяніе звуковъ, научилась читать и писать. Во второй половинѣ года первая группа укрѣпляется въ чтеніи, въ счетѣ до 20, въ выполненіи №№ практическаго правописанія Некрасова и знакомится со славянскимъ чтеніемъ. Къ концу года новички удовлетворяютъ требованіямъ программы: умѣютъ связно, съ соблюденіемъ удареній и остановокъ на знакахъ препиканія, читать легкія по содержанію статейки и пересказываютъ ихъ по вопросамъ учителя; пишутъ подъ диктовку краткія предложенія безъ искаженія словъ; прямо и обратно считают до 100, рѣшаютъ задачки на всѣ четыре дѣйствія въ предѣлѣ 20, съ употребленіемъ общепринятыхъ арифметическихъ выраженій.

Развивательное значеніе въ 1-й годъ обученія мы ожидаемъ, главнымъ образомъ, отъ уроковъ чтенія и рѣшенія задачекъ: первое, по нашему мнѣнію, помогаетъ выработкѣ рѣчи учениковъ и расширенію умственного кругозора, а второе развиваетъ мышленіе ученика.

Урокъ чтенія съ учителемъ проводится такъ: Читается статейка учителемъ (это даже не всегда дѣлается), дѣти разрываютъ книги, учитель заставляетъ одного ученика читать до первой или второй точки и велитъ рассказать прочитанное, помогая вопросамъ; далѣе читаетъ слѣдующій ученикъ. Такъ прочитывается вся статейка вначалѣ обычно лучшими учениками. Послѣ этого статья вновь прочитывается нѣсколькими, болѣе слабыми учениками, безъ пересказа. Подъ конецъ дѣлается общій пересказъ статьи, и если остается еще время, ученики читаютъ статью про себя.

Чтеніе стихотвореній отличается тѣмъ, что ученики не дѣлаютъ общаго пересказа, а стараніе учителя въ дѣлѣ усвоенія учениками содержанія стихотворенія ограничивается разъясненіемъ малопонятныхъ словъ и выраженій, и предлагается дѣтямъ заучить ее или во время урока или дома.

Рѣшеніе задачекъ ведется такимъ путемъ: читается задача, въ большинствѣ случаевъ изъ задачниковъ съ малопонятнымъ содержаніемъ; ученики повторяютъ условіе и приступаютъ къ рѣшенію. При пересказѣ дѣтми рѣшенія, учитель старается только о томъ, чтобы ученики сказали, что узнали и какъ сосчитали.

Во все время перваго года не мало старанія учителя уходитъ на пріученіе дѣтей къ порядку, дисциплинѣ; причемъ все дѣло почти сводится къ перечню разныхъ запрещеній: во время перемѣнъ шалить, возиться, драться нельзя, на урокахъ разговаривать, смѣяться, шумѣть, списывать, подсказывать—нельзя; воровать, обижать когонибудь тоже нельзя и т. д. Нарушители правилъ въ началѣ ученія получаютъ внушеніе, а затѣмъ и наказаніе, въ родѣ—на ноги, въ уголъ, безъ обѣда, послѣ класса.

Методъ преподаванія Закона Божія сводится къ слѣдующему: учи такъ, чтобы дѣти знали положенное программю, пониманіе-же отъ благодати Божіей. Вотъ въ общихъ чертахъ, что изъ себя представляетъ первый учебный годъ.

Веденіе дѣла въ среднемъ отдѣленіи ничѣмъ не отли-

чается отъ только что изложеннаго; тотъ же синтезъ при рѣшеніи задачъ и при объяснительномъ чтеніи съ передачей содержанія книжными словами, та-же догма при разъясненіи правилъ письма и теорій ариѳметики и таже надежда на благодать Божію въ дѣлѣ пониманія по Закону Божію.

Съ третьяго года обученія мы уже начинаемъ особенно обращать вниманіе на развитіе учениковъ. Пускается въ ходъ аналитическій методъ рѣшенія задачъ и передача содержанія статей своими словами. Пишутся даже сочиненія на тему, напр. описаніе какого нибудь знакомаго предмета или событія изъ собственной жизни.

Сколько мнѣ ни приходилось самому работать и читать про аналитическій приѣмъ рѣшенія задачъ, результаты получались плачевные: учитель выбивается изъ силъ, ученики отупѣли, время потеряно, задачи—что нѣкій сфинксъ. Приходится подсказывать ученикамъ и вести дѣло синтетически.

Передача содержанія статей своими словами тоже оказывается не подъ силу ученикамъ. Они положительно теряются: или молчатъ, или изъ своихъ словъ составляютъ такой винегретъ, что слушать и читать тошно. Статью для пересказа приходится читать второй и даже третій разъ, заставляются устно пересказать статью какой нибудь болѣе способный ученикъ и, слѣдов., болѣе сильный на память. Послѣ этого идетъ пересказъ статьи на тетрадахъ. И кто лучше запомнилъ, тотъ лучше и написалъ. Особенно трудно дается дѣтямъ 3-го и даже 4-го отдѣл. пересказъ басенъ. Прямо такъ-таки и не дается, пока учитель самъ не поможетъ. При чемъ помощь имѣетъ только единичное значеніе, а не методъ для пересказа воѣхъ басенъ.

Во второмъ классѣ характеръ обученія, въ большинствѣ случаевъ, тотъ-же. Главнымъ двигателемъ усвѣховъ учениковъ является зрительная или слуховая память.

Позволю теперь спросить: гдѣ-же, каніе уроки развиваютъ самодѣятельность ученика, приучаютъ мысль его къ анализу и синтезу, вырабатываютъ въ дѣтяхъ умѣнье самостоятельнаго наблюденія фактовъ и вывода изъ нихъ общихъ положеній и общими законами осмыслить то или иное явленіе и ввести его въ научную систему? Гдѣ-же, наконецъ, ложится начало цѣнной въ дѣлѣ умственнаго развитія привычки ставить себѣ вопросъ и своими силами рѣшать его, а не под-

даваться слѣпо вѣками установленнымъ догмамъ, которыя густою сѣткою опутываютъ умъ нашего народа, приучая его только къ послушанію, усвоенію разъ установленныхъ формъ, умнѣ которыхъ будто-бы и не выдумать? Критическая мысль, собственный починъ атрофированы!

Неужели всѣ эти качества разумнаго человѣка разовьются нашими уроками чтенія, рѣшеніемъ задачекъ, грамматикою, нашимъ класснымъ режимомъ?!

Ивановъ—читай! Такъ, расскажи! Садись. Петровъ—продолжай! Расскажи! Сидоровъ—докончи! Расскажи! Ладно. Тимофеевъ—начинай снова. Тихоновъ—продолжай, Михеевъ—докончи! Герасимовъ—перескажи-ка эту статейку. Андреевъ—продолжи, Егоровъ—докончи!

Задача: два мальчпка купили 9 грушъ. Когда 1-й съѣлъ 3 груши, а 2-й—2, то у нихъ осталось поровну. Сколько грушъ было у каждого мальчпка? (№ 167 задачника Юревича. Изд. 1904 г.).

Александровъ—повтори задачу! Такъ! Подумай-же, какъ рѣшить! Думаютъ. Поднимаются руки. Рычковъ—сколько-же было у перваго мальчишка? Алупкинъ—у второго? Смольниковъ—по твоему сколько было у перваго? Личутинъ—у тебя сколько у второго? Получаются разные отвѣты. Воскресенскій—что ты сначала сосчиталъ? (Къ 3 гр. + 2 гр.) Что ты этимъ узналъ? (сколько грушъ оба съѣли). Рождественскій—что ты дальше считалъ? (Къ 9 + 5). Что ты этимъ узналъ? (Сколько было грушъ). Подумай—ладно-ли! Молчаніе. Конечно, неладно—вѣдь у нихъ у обоихъ было куплено только 9 грушъ. Что-же, значить, надо дальше сосчитать, Костылевъ? (Отъ 9 гр. — 5 гр.). Что ты этимъ узнаешь? (Сколько грушъ осталось). Такъ! Успенскій—дальше что? (4 гр. : 2). Что этимъ узналъ? (Сколько осталось поровну). Дальше что? (Къ 2 + 3 и къ 2 гр. + 2 гр.). Это что такое? (Сколько грушъ было у 1-го мальч. и сколько у второго). Подъ конецъ дѣлается повтореніе рѣшенія задачи и записывается рѣшеніе ея.

Урокъ правописанія.—Слушайте дѣти: Если слово отвѣчаетъ на вопросъ „гдѣ“, то на концѣ слова писать *ь*, а если—на вопросъ „куда“, то *е*. Напримѣръ—„сѣжу въ комнату“. „Я пойду въ поле. Я гуляю въ полѣ“. Въ предлагаемыхъ примѣрахъ дѣти опредѣляютъ, что писать на концѣ слова. Затѣмъ дѣти сами приводятъ примѣры. „Я пошелъ къ

рѣкѣ. Я сталъ къ печкѣ. Я пошелъ къ мамѣ, сестрѣ. Положилъ палку къ банѣ. Что писать на концѣ этихъ словъ? (е, такъ слова эти отвѣчаютъ на вопросъ „куда“). Можно себѣ представить положеніе учителя!

Мораль. Шустрый Алешка Личутинъ далъ ножку Смольникову, и тотъ расшибъ себѣ носъ. Разборъ преступленія. „Это ты, Личутинъ, столкнулъ его“? Въ концѣ концовъ фактъ виновности Личутина установленъ. Начинается расправа. Если это малышъ первой группы, то пока все ограничивается распеканціей. „Ай, какъ нехорошо, Личутинъ. Какъ тебѣ не стыдно! Ай, какой ты нехорошій! Развѣ можно такъ вести себя въ классѣ? Иди, садись на мѣсто и не смѣй больше поступать такъ“. Личутинъ хмурится, краснѣетъ, дѣлаетъ глупое выраженіе лица, садится.

Съ учениками старшихъ отдѣленій дѣло короче. „А, это ты сдѣлалъ! Ну-съ, останься-ка безъ обѣда, посиди-ка часъ послѣ класса“.

Неужели всѣ эти—*читай, продолжай, докончи, перескажи, повтори, какъ сосчиталъ, что узналъ*, это-н на вопросъ „гдѣ“ и е на—„куда“ и „Ай, какъ не хорошо“! разовьютъ и умъ, и волю и чувство, возбуждаютъ въ дѣтяхъ самодѣятельность, приучаютъ мысль ихъ къ критическому отношенію къ дѣйстви-тельности?

Мнѣ думается, что подобная наша учительская работа своего рода педагогическая „рябь“.

Нѣтъ, дѣло преподаванія надо поставить такъ, чтобы почаще производилась не „рябь“, а—„буря“, чтобы напряженія ума достигали наивысшей степени, чтобъ умъ ребенка не усваивалъ только, а творилъ; чтобъ онъ не шелъ все время на поводу учителя, а приучался къ собственной поступи; чтобъ дѣти по выходѣ изъ школы не представляли безцвѣтную массу, покорную всякимъ давленіямъ и вѣяніямъ, въ лучшемъ случаѣ выдѣляющую изъ своей среды такъ назыв. „нытиковъ“, которые всѣми не довольны, или людей, бросающихся на „рожна“ и гибнущихъ преждевременно, — а были-бы самоцвѣтными камнями, энергичными устроителями жизни собственной и общественной, благоразумно избѣгая всякаго безцѣльнаго риска.

Для этого пусть учитель приметъ за правило—ничего не разъяснять ученикамъ, что они сами могутъ постичь; не

давать того, что они сами смогут взять; не устанавливать ни одного правила поведения, пока дѣти сами не выработаютъ ихъ, не убѣдятся въ необходимости и разумности ихъ. Пусть дѣти не лишаются возможности хотя отчасти пережить тотъ душевный трепеть, тотъ умственный подъемъ, который испытывали творцы науки, доходя своимъ пытливымъ умомъ до той или иной теоремы, аксіомы. Не слѣдуетъ смущаться, что этимъ путемъ дѣти, можетъ быть, получаютъ и меньше знаній (къ экзамену, къ ревизіи), зато эти знанія будутъ ихъ собственныя, они съ ними пойдутъ въ жизнь; а наши знанія они намъ и оставляютъ, т. к. работали, мыслили, знали только съ нами и по-нашему.

На вопросъ—„какъ же вести дѣло преподаванія строго согласно съ принципомъ самодѣятельности“—лично затрудняюсь дать полный отвѣтъ, такъ какъ это значило-бы написать методику всеѣхъ предметовъ курса народныхъ школъ.

Могу сейчасъ отвѣтить на вопросъ только въ общихъ выраженіяхъ и привести нѣкоторые примѣры.

Въ первый день обученія послѣ обычнаго опроса учениковъ необходимо прочитать, а еще лучше—разсказать сказочку и побесѣдовать по поводу содержанія ея; попросить кого нибудь изъ учениковъ разсказать свою какую нибудь сказочку. Если никто не изъявитъ желанія, то можно предложить имъ припомнить къ слѣдующему дню. На другой день въ промежуткахъ между подготовительными работами къ чтенію и письму опять разсказать новую сказочку, а всего лучше спросить учениковъ разсказать сказки, которыя они слышали дома. Мнѣ не думается, чтобы никто изъ новичковъ не смогъ этого сдѣлать. Мнѣ пришлось наблюдать, что ученикъ младшаго отдѣленія даже самъ сочинялъ сказочки: одну про птичку съ золотыми крылышками, какъ она летала и пѣла въ лѣсу, какъ на нее напалъ ястребъ, какъ она порхнула въ кустъ, и ястребъ остался ни съ чѣмъ. Другую про горшокъ и кашу: какъ старушка посадила въ печку горшекъ съ кашей, какъ кашѣ стало жарко, и она стала сердиться, пыхтѣть, какъ горшокъ разгорячился за это на кашу, опрокинулся и пролилъ кашу въ печь. Очень жаль, что эти образцы литературнаго творчества ученика младшей группы, совсѣмъ невыдающихся способностей, не сохранились у меня, затерялись.

Весьма полезно ученикамъ младшей группы играть и пѣть пѣсенку, въ родѣ—„жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ...“ „Ахъ, попалась птичка...“ „Лягушка по дорожкѣ скачетъ, вытянувши ножки“ и мн. др. При этомъ очень важно спросить ихъ, не знаютъ-ли они какихъ нибудь пѣсенокъ. Во время бесѣды по содержанию сказокъ и пѣсенъ весьма важно, для знакомства съ запасомъ знаній дѣтей, спрашивать о животныхъ, какихъ они видѣли, о значеніи нѣкоторыхъ органовъ тѣла животныхъ и т. д.

Все это имѣетъ и то важное значеніе, что ученикъ сближается съ классною работою; видитъ, что учителю не чужды его интересы, что даже учитель съ охотою слушаетъ его, самъ говоритъ много интереснаго; все-же это ведетъ къ духовному родству, взаимному довѣрью и самостоятельному развитію личности ребенка.

Наконецъ, всеми этими сказочками, пѣсенками, рассказами о зайчикахъ, птичкахъ, рыбахъ вносится необходимое разнообразіе и оживленіе въ трудную и малоинтересную работу по прохожденію азбуки, заучиванію молитвъ и усвоенію первоначальныхъ догматовъ правосл. христиан. вѣры, и устраняются многія причины образованія антагонизма между школьными занятіями ребенка и его внѣшкольною жизнію, между ученикомъ и учителемъ.

Со второй половины перваго года обученія, когда дѣти осмелятъ механизмъ чтенія и письма, воспитательная работа учителя значительно упрощается, стоитъ только всегда помнить, что ребенокъ не кусокъ глины, изъ котораго, что намъ угодно, то и можно лѣпить, и не пустая бочка, которую необходимо накачивать ариеметикою, грамматикою, географіей, исторіей и пр. и пр., что онъ до поступленія въ школу получилъ массу впечатлѣній, что у него выработалось много понятій; что онъ (особенно дѣти сель и деревень) жилъ довольно полною жизнію, что умъ его обладаетъ весьма тонкою наблюдательностью и не лишень здравости сужденія. Посему изъ школьнаго обихода необходимо выбросить все сухое, мелочное, только оскорбляющее ученика, какъ существо думающее, и давать побольше простора для проявленія самостоятельности ребенка. Всѣ напр. упражненія по ариеметикѣ, вводимыя въ курсъ для такъ назыв. изученія чиселъ, состоящія въ при- считываніи и отсчитываніи по 1, по 2, по 3..., въ разложе-

нѣ чиселъ на слагаемыя (1, 2, 3, 4...) давно мора оставить.

Взаимнѣ этого рѣшать съ учениками задачи изъ ихней жизни: про бабки, рыбки, камешки. При этомъ пусть ученики не только говорятъ, что сосчиталъ и какъ узналъ, но и укажутъ на связь между данными и на зависимость вывода отъ данныхъ и на оборотъ. Напр. „Одинъ мальчикъ выигралъ 15 перьевъ, а второй 5. Сколько они выиграли вмѣстѣ?“ Очень будетъ не хорошо, если учитель послѣ рѣшенія задачи учениками не побесѣдуетъ съ ними въ такомъ родѣ: „если-бы не сказано было, сколько выигралъ 2-й мальч., можно-ли бы было рѣшить задачу?—Сколько 1-й мальчикъ? Что-же, знач., нужно сказать, чтобы сосчитать, сколько выиграли оба? (Сколько выигралъ 1-й и сколько 2-й). Хорошо. А нельзя ли узнать, чтонибудь иное? (На сколько перьевъ больше выигралъ первый и во сколько разъ больше и наоборотъ). Послѣ этого можно перейти къ записи рѣшенія задачи. $(15+5=20)$ Полезно записать рѣшеніе и другихъ вопросовъ по этимъ даннымъ. $(15-5=10; 15:5=3)$. При этомъ весьма важно предложить дѣтямъ по данной какойнибудь записи сказать отъ себя задачу. Напр. $16:4=4$. Не думайте, что это непосильно дѣтямъ. Стоитъ только разъ испытать, чтобы убѣдиться, какъ эта работа интересна дѣтямъ и съ какимъ одушевленіемъ они придумываютъ задачи. Одинъ говоритъ: „Ванька Алушкинъ поймалъ 16 рыбокъ, а я въ 4 раза меньше. Сколько я изловилъ.“ Другой—„Мамка дала намъ 16 рѣпокъ и велѣла раздѣлить ихъ поровну, а насъ четверо. Сколько каждому?“

Такая работа, помимо развитія самостоятельности, важна еще и тѣмъ, что одухотворяетъ въ глазахъ учениковъ всѣ наши ариметическія формулы, скобки, задаваемые ученикамъ для укрѣпленія навыка въ счетѣ.

На урокахъ объясн. чтенія также слѣдуетъ отбросить всѣ мелочные вопросы, только путающіе мысль ученика, ведущіе его въ туманную даль, мѣшающіе усвоенію статьи и портящіе цѣльность впечатлѣнія отъ нея. Болѣе разумнымъ будетъ, если чтеніе, по крайн. мѣрѣ, бытовыхъ статей будетъ вестись аналитическимъ путемъ, т. е. статья читается самимъ учителемъ, если нужно, то еще разъ однимъ или нѣсколькими учениками, и сразу послѣ этого приступитъ къ анализу ея, ставя вопросы: О комъ, о чемъ прочитано; что о томъ и дру-

гомъ? Почему это такъ, а не иначе? Что изъ этого получи-лось? Послѣ этого слѣдуетъ и пересказъ статьи, при чемъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ поощрять дѣтей къ передачѣ содержанія словами книги, постоянно напоминая, что передавать словами книги не всегда возможно, что необходимо вырабатывать собственную рѣчь.

Передача содержанія словами книги, хотя и сознательная, опасна тѣмъ, что приобрѣтается привычка надѣяться на текстъ книги. Въ первый и второй годъ обученія память дѣтей довольно свѣжа, статейки-же весьма просты и кратки, и ученикъ легко запоминаетъ текстъ книги. Со второй же половины второго года и въ 3-мъ году обученія объемъ и характеръ содержанія статей значительно усложняются; они становятся труднѣе чуть не въ десять разъ, а развитіе умственныхъ способностей едва-ли такъ быстро прогрессируетъ. Ученикъ затрудняется запомнить статью. Умъ его, занимавшійся ранѣе не столько воспринятіемъ содержанія статьи, сколько—формой ея изложенія,—теперь рѣшительно ухватывается за одну форму, а учитель почему-то усиленно сталъ обращать вниманіе на внутреннюю сторону. (Это забота о развитіи собственной рѣчи ученика, хотя и запоздалая!)

Выработка курса теоріи ариметики и геометріи въ двухкл. училищахъ должна быть вполне самостоятельна. Успѣхъ дѣла всецѣло зависитъ отъ расположенія учебнаго матеріала по степени трудности и отъ привычки дѣтей къ эвристическому методу отъ 1-го года обученія. Если то и другое будетъ соблюдено, то сколько хорошихъ минутъ переживутъ ученики и учитель!

При прохожденіи курса естественныхъ наукъ принципъ самостоятельности легко соблюсти, разъ только ученіе будетъ производиться не по книгамъ, а будетъ изучаться живая природа во время прогулокъ, экскурсій или же въ крайн. случаѣ — по моделямъ, чучеламъ, хорошиямъ картинамъ. При этомъ слѣдуетъ изъять изъ курса все несущественное: зубныя формулы, число когтей, излишнее увлеченіе описаніемъ наружныхъ формъ, число тычинокъ, пестиковъ и т. д.; а больше обратить вниманія на жизнь животныхъ и растений, на приспособленность ихъ къ условіямъ окружающей обстановки и на вліяніе сей послѣдней на выработку тѣхъ или иныхъ видовъ. Такою постановкою дѣла дѣти приучатся къ

наблюденію, обобщенію, объясненію, или что то-же—усвоить методъ индуктивнаго и дедуктивнаго мышленія.

Курсъ географіи также легко основать на принципѣ самостоятельности. Нужно побольше обратить вниманія учащихся на взаимодействіе географическихъ объектовъ и такимъ образ. подготовить дѣтей къ чтенію карты, а не заучиванію учебника. Наприм. при изученіи Россіи—сначала изучить по картѣ устройство поверхности, почву и минеральныя богатства ея; затѣмъ—орошеніе Россіи; послѣ этого—климатъ, какъ неизбежное слѣдствіе первыхъ двухъ факторовъ; далѣе растенія, зависящія всецѣло отъ почвы и климата. При этомъ подробнѣе остановиться на болѣе распространенныхъ представителяхъ растительнаго царства, выясняя благоприятныя условія для ихъ развитія. Такимъ же путемъ и о животномъ мірѣ. Наконецъ—человѣкъ со своимъ образомъ жизни, характеромъ занятіями, какъ синтезъ всего предыдущаго. Послѣ подобной проработки, ученики безъ всякаго учебника будутъ рисовать вамъ по картѣ картину жизни любого пространства Россіи.

Исторія труднѣе поддается индуктивному методу и менѣе способствуетъ развитію самостоятельности, но все же и здѣсь можно найти не мало случаевъ, когда предыдущее будетъ осмысливать послѣдующее; основательное знакомство со старымъ дастъ возможность даже предугадывать будущее.

А. Д. Холзаковъ.

Къ бывшимъ питомцамъ, нынѣ учительству-
ющимъ въ разныхъ концахъ отечества.

Мечту завѣтную лелѣя
Освободить отъ власти тьмы
Непросвѣщенные умы,—
Отмѣтимъ праздникъ юбилея
Бесѣдой дружескою мы.

* *
*

Съ крестомъ въ груди, въ рукахъ съ указкой
Мы все святое отъ души
Смиренно сѣяли въ глуши,
И насъ съ любовію и лаской
Встрѣчали въ селахъ малыши.

* *
*

Нельзя забыть, друзья и братья:
Какъ вы сходились въ поздній часъ
Ко мнѣ въ открытій настѣжъ классъ,
И какъ вечернія занятя
Бывали веселы у насъ!

* *
*

Какіе вамъ давалъ совѣты,
Какъ провожалъ васъ въ города,
И какъ страдалъ я иногда
За неудачные отвѣты,
Отвѣты ваши, господа!

Какъ выпускъ вашъ волной отлива
Весной изъ школы уплывалъ,
И какъ по немъ я тосковалъ,
А въ осень снова хлопотливо
Другихъ питомцевъ призывалъ.

* *
*

И такъ приливъ, отливъ чредою
Десятки лѣтъ изъ года въ годъ,
Не безъ тревоги и заботъ,
Встрѣчалъ я грудью молодою,
Какъ истый русскій патриотъ.

* *
*

И вы дружиной совоюпной
Пошли въ народъ исполнить долгъ,
Чтобъ понялъ въ грамотѣ онъ толкъ,
Чтобъ голосъ правды неподкупной
Въ Руси великой не умолкъ.

* *
*

Вы всюду съ поднятнмъ забраломъ,
Съ завѣтной думой на лицѣ:
Въ Пржевальскѣ, Ригѣ, Повѣнцѣ,
Въ Тифлисѣ, въ Омскѣ, за Ураломъ
Въ судьбой обиженномъ концѣ.

* *
*

Впередъ друзья мои, скорбящихъ
Разумно будемъ утѣшать,
Упавшій духъ ихъ возвышать,
Будить и звать во мракѣ спящихъ
Святое дѣло совершать.

* *
*

А ты, нашъ старецъ, пастырь вѣрный,
Служитель Божья алтаря,
Молитву чистую твоя,
Благослови нашъ трудъ усердный
Во имя Вышняго Царя.

яни Талантовъ въ землю не зароемъ,
Но на страницахъ мудрыхъ книгъ
Укажемъ званія родникъ,
И въ царство мысли дверь откроемъ
Чтобъ весь народъ въ него проникъ.

Изъ дневника народнаго учителя.

2-е сентября. Сегодня какъ бы день моего рожденія. До сего времени я былъ подъ крыломъ моихъ учителей и воспитателей, которые руководили моиими поступками, всюду защищали меня, а теперь я вступаю въ новую для меня жизнь, жизнь самостоятельную. Всѣ желанія, стремленія, взоры были исключительно направлены на сегодняшний день, который казался мнѣ гдѣ-то далеко, далеко. Но вотъ я, наконецъ, получаю мѣсто учителя и прѣзжаю въ назначенную мнѣ школу. Какая высокая обязанность возложена на меня!

Но сладкія мечты мои мало-по-малу разбиваются о горькую дѣйствительность. Я встрѣчаю не то, что думалъ, что представлялось мнѣ въ самыхъ яркихъ краскахъ, что не давало мнѣ покоя... Поэзія замѣняется прозой.. Пріѣхавъ въ школу, я нашелъ ее запертой. Битыхъ три-четыре часа искалъ хранителя ключей отъ нея, хотя въ нее свободно можно было войти «неестественнымъ» ходомъ, такъ какъ въ доброй половинѣ оконъ были выбиты не только стекла, но и рамы; даже староста, который, по видимому, не былъ слишкомъ сантименталенъ по отношенію къ школѣ, пришелъ въ ужасъ при видѣ такой картины запустѣнія и выразилъ крайнее сожалѣніе по поводу дальности разстоянія его дома отъ училища, по причинѣ которой онъ лишенъ возможности смотрѣть за нимъ. Но вотъ, наконецъ, школа была отперта, и, пробравшись чрезъ кучу мусора въ сѣняхъ, я вошелъ въ классъ. Внутри онъ прелестился мнѣ такимъ, какъ будто въ немъ цѣлый десятокъ лѣтъ не было человѣческой ноги и не слы-

шно было человѣческаго голоса, атмосфера была до того ужасная, что, казалось, я попалъ въ погребъ. Всюду на полу валялись клочки и шарики бумаги, куски мѣлу и отвалившейся отъ стѣны глины; лишившіяся штукатурки стѣны доказывали, что тутъ когда-то было много людей и людей неугомонныхъ, которымъ не было никакого дѣла до этой самой штукатурки, и они какъ будто изо всей силы шлифовали стѣны своими спинами. Въ книжномъ шкафу былъ пастоящій «поэтическій» беспорядокъ: книги были разбросаны по всѣмъ полкамъ и лежали совсѣмъ не мирно: куда одна лежала корешкомъ, туда другая почему-то отверстиемъ; здѣсь же чего-то поджидали записанныя тетради учениковъ, а между ними вся въ чернильныхъ пятнахъ разрѣзная азбука; все доказывало, что хозяева всего этого хлама куда-то спѣшили и сложили его какъ ненужное. И поинтересовался узнать отъ старосты, присутствовавшего здѣсь, кто былъ мой предшественникъ, и получилъ такой отвѣтъ: „былъ тутъ учителемъ Порфирій Артамоновичъ, человѣкъ такъ себѣ, только все говорить на ребятъ: «идите себѣ домой, какъ вы мнѣ надоѣли», и пуцаютъ ихъ, какъ солнце на обѣдъ, а теперь они чиновникомъ по «казенкамъ» (какъ видно надсмотрщикъ акцизныхъ сборовъ), да еще... Да Богъ съ нимъ, не наше дѣло, дѣвку тутъ... Служила у нихъ за кухарку“.

Сердце мое сжалось отъ боли; хотѣлось сказать старостѣ, что онъ вретъ, вретъ немилосердно, но сдержался и продолжалъ смотрѣть дальше. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше я убѣждался, что бывший учитель служилъ не хотя, безъ призванія, держался этой должности какъ послѣдняго.

Уже побывалъ у священника, про котораго скажу нѣсколько словъ, и они будутъ какъ разъ противны замѣчанію моего товарища Васи, который, узнавъ о назначеніи меня въ Б-ое училище, сказалъ: «берегись, тамъ батюшка съ душкомъ» Не вѣрю тебѣ, дорогой, нисколько не вѣрю! Премилѣйшая личность, самый простой человѣкъ; сказалъ о намѣреніи идти рука объ руку съ учителемъ въ дѣлѣ народнаго образованія, только украдкой сдѣлалъ кислую физиономію, узнавъ, что я окончилъ учительскую семинарію.

Этими строками я и закончу описаніе пережитаго мною сегодня и ложусь, или вѣрнѣе сажусь, спать, такъ какъ въ

школъ находится всего одинъ столъ съ искусно подставлен-ной четвертой ножкой, да стулъ временъ Адама, полъ же со своей испарпанной и грязной фвізіономіей нисколько не манить уставшаго отдохнуть на немъ.

16-е сентября. Окончилъ запись учениковъ и готовлюсь къ началу занятій. Записались 93 мальчика. Думаю, что трудъ будетъ тяжелый. Просилъ по телефону управу, о присылкѣ помощника, но мнѣ отвѣчали, что второй учитель можетъ быть назначенъ только въ томъ случаѣ, если общество при-шлетъ приговоръ объ этомъ. Ждать этого и слушать инструк-ціи, которая говоритъ, что больше 60 душъ принимать не слѣдуетъ, значить, оставить 35 душъ неграмотными, а они вѣдь чуть ли не на колѣняхъ просятъ принять въ школу; какъ же имъ отказать?

Однако мнѣ кажется, что я при опредѣленіи личности законоучителя немного ошибся: чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе я замѣчаю у него дурныя стороны, которыя онъ, какъ видно, скрывалъ первое время. Какое-то фамиллярное обращеніе, тонъ старшаго, не понимаю! Сегодня я былъ у него. Сидѣ-ли часовъ до девяти вечера; О-ская матушка (она гостила у Законоучителя) вдругъ обратилась къ нему съ просьбою отвезти ее домой, такъ какъ уже поздно, а лошадей за нею не присылаютъ. Законоучитель сначала обезнокоился тѣмъ обстоятельствомъ, что у него нѣтъ кучера, но потомъ съ ра-достнымъ, сіяющимъ лицомъ сказалъ: «васъ свезетъ вотъ этотъ кавалеръ». Я сначала подумалъ, что онъ шутить и не обратилъ вниманія на его фразу, но когда пришло время уѣзжать, то онъ осыпалъ меня такимъ градомъ наставленій относительно дороги, какъ будто былъ окончательно увѣренъ, что я не откажусь. Замѣтивъ же мое нежеланіе исполнить его «просьбу», онъ началъ уже злиться и произнесъ: «совѣ-тую вамъ не упорствовать». Его умѣніе заставить просто ошеломило меня и я принужденъ былъ сѣсть на козлы и сыграть роль кучера. На обратномъ пути, отдавшись своему размышленію, я рѣшилъ, что законоучитель не шутить: всю-ду замѣтно его желаніе воспользоваться моими услугами, ко-торого я до сихъ поръ не замѣчалъ, не смотря на неодно-кратныя уже просьбы покатать дѣтей, пойти въ волостное правленіе за почтой и проч. Я сперва думалъ, что это носить характеръ услугъ, какъ говорятъ, «не въ службу, а въ дру-

жбу», а выходить-не въ дружбу, а въ службу. Вполнѣ увѣренъ, что отказы мои поведутъ къ ссорамъ, такъ какъ законоучитель и въ резонъ не принимаетъ моего «не могу». Лучше будетъ, если я порѣже буду посѣщать его домъ; жалѣю только, что тамъ мнѣ готовятъ обѣдъ. Плохой выборъ я сдѣлалъ, хотя, впрочемъ, выборъ-то былъ слишкомъ ограниченъ.

24 сентября (воскресенье). Утромъ, по окончаніи трезвона, я, построивъ учениковъ по обыкновенію въ ряды, отпустилъ ихъ въ церковь, а самъ вернулся въ квартиру запереть ее и распорядиться кое-о-чемъ. Не прошло и полторы минуты по уходѣ учениковъ, какъ въ квартиру входитъ церковный сторожъ и говоритъ: «батюшка говорили, чтобы вы шли въ церковь». Я сначала подумалъ, что тамъ что нибудь случилось съ учениками и, опередивъ сторожа, вошелъ въ церковь, гдѣ въ это время пѣли первую эктению послѣ благословенія на литургіи. Увидѣвъ, что ничего нѣтъ, я только теперь припомнилъ слова сторожа, который какъ-то разъ говорилъ мнѣ, что когда была здѣсь учительница I-ева, то законоучитель, бывало, до тѣхъ поръ гоняетъ посыльныхъ за ней, пока она начтетъ плакать, и всѣ мольбы и указанія ея на то, что ей въ это воскресенье нельзя пойти въ церковь... ни къ чему не приводятъ, и мнѣ стало больно и обидно на законоучителя. Я просто забылъ, что нахожусь въ церкви, гдѣ совершается богослуженіе и предался размысленію: если законоучитель думаетъ, что я невѣрующій, къ чему у него нѣтъ ровно никакого повода и основаній, то и тогда, кто ему далъ право слѣдить за исполненіемъ мною нравственныхъ правилъ и обязанностей? а если онъ слѣдитъ за мной и стоитъ съ палкой потому, что ему дало это право что-то Высшее, то и тогда на что же онъ рассчитываетъ? Оружіе, которымъ онъ побиваетъ меня и другихъ, совершенно тупое. Могу ли я а также и каждый, молиться въ то время, когда надо мной стоять съ палкой, смотря, какъ я крещусь, заставляютъ молиться, не спрашивая моего настроенія въ данный моментъ? Просто я сегодня не помолился, а только нагрѣшилъ.

Послѣ обѣдни я встрѣтилъ законоучителя и, какъ бы не понимая въ чемъ дѣло, спросилъ, за чѣмъ онъ присылалъ за мной; законоучитель посмотрѣлъ на меня такимъ взглядомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «удивляюсь, какъ ты не знаешь этого», и произнесъ: «у меня ужъ, знаете, такъ всегда: если

пѣть учителя въ церкви, я за нимъ посылаю, ну, а если не является—тогда другое дѣло». Я не нашелъ нужнымъ возражать ему, но ушелъ съ твердой вѣрой, что будетъ что-то немножко неладное.

Сегодня я получилъ бумагу изъ Управы, которой она отказываетъ мнѣ въ присылкѣ просимыхъ мною письменныхъ принадлежностей по причинѣ израсходованія всей асигновки на мое училище. Безвыходное положеніе! Объ этомъ я узналъ еще раньше отъ помощника секретаря и заявилъ объ этомъ старостѣ, который ударилъ о полы своего кафтана и почти съ плачемъ заявилъ, что общественная касса совершенно пуста вслѣдствіе недорода. Пробовать взять съ учениковъ по нѣскольку копѣекъ и купить что-нибудь нужно, но и эта мѣра не привела ни къ чему; ученики каждый день приходили и заявляли, что пѣть ни копѣйки денегъ. Что дѣлать? Куда обратиться? Просить попечителя, котораго въ настоящее время и дома нѣтъ? но едва ли я достигну этимъ какого нибудь результата, такъ, какъ по слухамъ, онъ не близко-то принимаетъ къ сердцу нужды школы, хотя попробую, а сейчасъ, сейчасъ-то что дѣлать? вѣдь завтра занятія!

25 сентября. Пока кое, кое-какъ обхожусь безъ самаго необходимаго для занятій, а дальше что будетъ? Съ сегодня начались уже настоящія занятія, и я, такъ сказать, вошелъ въ свою роль. Будучи еще въ семинаріи, я имѣлъ представленіе о дѣлѣ пароднаго учителя только изъ книгъ и рассказовъ, а теперь самъ имѣю его въ рукахъ. Право, какъ подумаешь, что такое учитель и каково его назначеніе, невольно работаешь еще съ большимъ жаромъ, съ большою энергіей. На тебя смотрятъ сотни будущихъ гражданъ государства, тебѣ во всемъ вѣрятъ, подражаютъ, ставятъ въ примѣръ,—невольно всѣ силы будешь отдавать этому дѣлу и со вниманіемъ прислушиваться къ настойчивымъ требованіямъ возложеннаго долга и совѣсти. И какъ отраднo, какъ свѣтло становится на душѣ при сознаніи, что я-свѣча среди мрака, и эта свѣча горитъ свѣтомъ знаній и правды въ грубой, бессознательной, темной толпѣ, жаждущей этого свѣта! Ну, право, какъ ни хочется оставить безчестность другихъ безъ осужденія (вѣдь и самъ далеко несовершенъ), невольно какъ-то ее замѣтишь и осудишь. Это, кажется, свойственно каждому, и особенно если эта нечестность, какъ я называю, т. е. недо-

бросовѣстное, халатное отношеніе къ дѣлу не замѣчается самими лицами, ее совершившими, просто по нежеланію замѣтить и исправиться.

На третьемъ урокъ одинъ изъ учениковъ рассказывалъ объ Ольгѣ и вмѣсто словъ: «Ольга начала убѣждать Святослава» быстро, какъ машина, произнесъ: «Ольга начала обличать іудеевъ за то, что они не вѣровали въ Иисуса Христа» (текстъ изъ сегодняшняго урока по Закону Божію). Дружный взрывъ хохота дѣтей остановилъ «законника». Я обратился ко всему классу съ вопросомъ, что значать сказанныя К-мъ слова, и не получилъ ровно никакого отвѣта; на переводъ мой этой фразы на болѣе понятный для дѣтей языкъ одинъ изъ учениковъ поднялся и заявилъ, что если кто нибудь изъ нихъ скажетъ не книжное слово, то законоучитель оставляетъ его «безъ обѣда». Выразивъ сожалѣніе по поводу того, что нѣкоторыя мѣста въ Исторіи для нихъ совершенно непонятны, а законоучитель не объясняетъ ихъ, онъ рассказалъ, что кто-то въ прошломъ году на вопросъ: «что такое бракъ въ Канѣ?» отвѣтилъ: «Иисусъ Христосъ женился». Ученикамъ я, конечно, не подаль виду, что осуждаю законоучителя, но при встрѣчѣ съ нимъ послѣ занятій сказалъ о томъ, что ученики совершенно безсознательно относятся къ заданному законоучителемъ. Отъ этого онъ изрядно вспылить и пакинулся на меня: «а! вы хотите, чтобы я еще бесѣдовалъ съ ними? Нѣтъ! это ужъ дѣлайте вы, а я не нахожу это нужнымъ, да и времени не имѣю для этого». Его вызывающе-раздражительный тонъ нарушилъ и мое хладнокровіе, и я выразилъ желаніе видѣть его относящимся къ моему труду съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ до сихъ поръ: онъ всегда является на урокъ непременно въ то время, когда до конца моего остается минутъ 10—15, и несмотря на то, что я имѣю дѣло съ учениками, слѣдовательно, достигаю какой нибудь цѣли, заставляетъ читать молитву и начинаетъ заниматься, а я остаюсь въ какомъ-то странномъ положеніи, какъ будто я никому не нуженъ; просто становится неловко предъ учениками. Моя просьба только подлила масла въ огонь: мой собесѣдникъ просто не находилъ себѣ мѣста; кричалъ, размахивалъ руками, грозилъ мнѣ доносомъ инспектору, который будто бы все сдѣлаетъ, какъ ему хочется, и который сказалъ, что законоучитель имѣетъ и законное и нравственное право заниматься,

Когда ему вздумается, предоставляя учителю дѣлать что нужно въ его отсутствіе. Я избралъ способъ молчанія, и бѣшенство законоучителя начало понемногу проходить; онъ поднялся съ мѣста и ушелъ въ смежную комнату. Я не слышала, что ему, повидимому, сказала матушка; явственно только долетѣла до моихъ ушей его фраза; «да что ты говоришь? мнѣ прислали учителя, я и дѣлаю съ нимъ, что хочу, а въ случаѣ упрямства, могу перевести, а то и совсѣмъ уволить».

Я считъ невозможнымъ болѣе оставаться въ его домѣ и съ горечью и болью на сердцѣ ушелъ.

Но что дѣлать? Унижаться предъ законоучителемъ? Переносить оскорбленія? Исполнять его несправедливыя и жестокия требованія? Нѣтъ! не могу! Что-то извнутри заставляетъ обидѣться: по временамъ до того становится невыносимо тяжело, что просто готовъ расплакаться, звать когонибудь на помощь, но кого? Да неужели законоучитель не понимаетъ, что я—человѣкъ и могу страдать изъ-за обидъ, и кромѣ того лучше же жить по пріятельски, дѣлать взаимныя уступки, безъ вспышекъ, безъ желчи, и работать вмѣстѣ общее благое дѣло, тогда и школа не страдала бы, и не было бы всѣхъ этихъ недоразумѣній. Можно бы подумать, что я чѣмъ-нибудь законоучителю не понравился лично, какъ человѣкъ, но опять таки всюду замѣтна его нелюбовь вообще къ земскимъ учителямъ. Его жена, которая до замужества была земскою учительницей, за какую-то жестокую выходку упрекнула его: « Степа! ты таки несправедливъ », но онъ разразился такимъ крикомъ, что та принуждена была замолчать, а придя немного въ себя, онъ, какъ бы въ поученіе, съ какимъ то дикимъ пафосомъ сказалъ ей: «ты должна знать, что земскіе учителя только развращаютъ народъ; земскія школы—развратительницы народа! вотъ тебѣ примѣръ: церковная учительница читаетъ на клиросѣ, поменьше болтаетъ съ мужиками, а съ него что?» указалъ онъ на меня: «хочеть, чтобы я бесѣдовалъ съ учениками! нѣтъ-съ, милостивый государь, я знаю, что дѣлаю». Смѣшно и грустно!

1-е октября. Храмовой праздникъ. Всюду радостное оживленіе, наряженность, праздничное настроеніе. Селяне толпами и въ одиночку идутъ въ церковь, другіе бѣгутъ куда-то изъ церкви; сдержанный говоръ, шумъ. Церковь со всѣхъ сторонъ окружена толпами дивчатъ и парубковъ, ко-

Юрые видно собралісь совсѣмъ не для молитвы, а погулять. Я прішелъ въ церковь въ то время, когда оканчивался «частный» молебень (за служеніе его платять рубль). Такъ какъ молящіеся стояли на колѣняхъ, и пробратся въ церковь было невозможно, то я остановился на паперти. Тутъ я увидѣлъ картину, которая приковала мое вниманіе. На крыльцѣ стояло нѣсколько слѣпыхъ нищихъ со своими проводниками и жалобнымъ, умоляющимъ голосомъ просили милостыни. Особенное вниманіе я удѣлилъ старику, въ оборванной солдатской шинели и не то въ сапогахъ, не то въ башмакахъ; возлѣ него стояла дѣвочка лѣтъ 11—12 и ѣла бубликъ, который она кусала такъ осторожно, чтобы никто не видѣлъ. Крошки, сыпавшіяся на ея платокъ, она тщательно собирала и бросала двумя пальцами въ ротъ. Старикъ держалъ въ рукахъ деревянную тарелку и по временамъ наклонялъ голову, прося подаенія. Погода была сырая и холодная. Старикъ обернулся къ дѣвочкѣ и потихоньку началъ жаловаться на замерзаніе ногъ: «стукайте!» отрѣзала дѣвочка и опять укусила изъ рукава своего бублика. Къ церковной оградѣ подѣхала щегольская бричка, запряженная парой сытыхъ жеребцовъ. Это пріѣхалъ сосѣдній помѣщикъ, который сразу направился въ церковь. Когда онъ взшелъ на паперть, дѣвочка осторожно толкнула старика, и онъ, какъ то особенно наклонивъ голову, жалобно завывлъ. Помѣщикъ мигомъ вытащилъ изъ кармана мелкую серебрянную монету и небрежно бросилъ ее на тарелку, — видно было, что ему попрошайки страшно надоѣли. Дѣвочка не выдержала, схватила монету, сжала ее въ рукѣ, и не успѣлъ «благодѣтель» скрѣпиться, какъ она радостно произнесла: «ага! тыперъ заплатимъ за сырнычки, та карасыну». «Этимъ хватить мужества не отдать своей силы, здоровья, своей молодости», подумалъ я и началъ пробираться сквозь тѣсную толпу во внутрь церкви. По окончаніи Богослуженія меня пригласили въ домъ священника, и я пошелъ. Гости тамъ были самыхъ разнообразныхъ профессій и убѣжденій:

Тутъ былъ управляющій сосѣднимъ помѣніемъ, который почти все время молчалъ и охотно поѣдалъ все, что ни подставлялъ ему радушный хозяинъ, конечно, въ твердой надеждѣ получить за каждый кусокъ жаренаго цѣлое животное. Былъ тутъ уѣздный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ, отецъ

«моего» законоучителя, человекъ разсудительный, степенный и личность, какъ видно, пользующаяся авторитетомъ среди уѣзднаго духовенства и милостями преосвященнаго. Благодаря этому и его сынъ, изгнанный, кажется, изъ второго класса семинаріи, въ настоящее время священникомъ и такимъ строгимъ обличителемъ земскихъ учителей и школъ. Былъ тутъ и мой коллега, сынъ протоіерея, съ выправкой аристократа, полный, въ золотыхъ очкахъ и съ брюшкомъ, который старался поставить всѣмъ на видъ, что онъ самый примѣрный учитель въ уѣздѣ главнымъ образомъ потому, что не ѣздилъ на учительскій съѣздъ: онъ разсказалъ, какъ онъ однажды расправился съ сыномъ одного «разумника»: такъ съѣздивъ ему по уху, что тотъ на третій день умеръ, а инспекторъ за какой то чуть ли не подвигъ далъ ему наилучшую школу. Какими-то судьбами сюда забрался чиновникъ почтово-телеграфной конторы, который нѣсколько разъ порывался сказать о своей матеріальной неудовлетворительности и тяжеломъ трудѣ, но его такъ мало слушали, что онъ замолчалъ, и только изрѣдка поглядывалъ на говорящихъ съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто хотѣлъ сказать: «Какъ ты глупъ». Былъ тутъ еще кое-кто... О женщинахъ не придется ничего сказать, такъ какъ онѣ почти все время молчали и только время отъ времени перешептывались между собою и какъ будто съ нетерпѣніемъ поджидали, пока мужчины наѣдятся, чтобы встать и играть въ «сосѣда».

Послѣ закуски наблюдатель, В—ій священникъ, законоучитель и управляющій удалились въ кабинетъ хозяина, чтобы сыграть тамъ партійку, а съ ними пошелъ и я. Разговоръ началъ В—ій священникъ жалобой на скупость и ушадокъ религіозности своихъ прихожанъ, которые, по его словамъ, готовы хоронить покойниковъ безъ совершенія обряда погребенія: лишь бы не платить ему «несчастныхъ» 3—4 рублей; законоучитель съ жаромъ поддерживалъ его, добавивъ, что ему зачастую приходится приходить изъ церкви съ 30—40 копѣйками. «Ни молебновъ, ни панихидъ, ни *на часточку*, просто хоть умирай съ голоду! Два мѣсяца хлопочу объ устройствѣ крытаго крыльца надъ параднымъ ходомъ, а староста мнѣ заявляетъ, что у нихъ тамъ ѣсть нечего! Да какое мнѣ дѣло до этого? вѣдь вы обязаны! Придется земскому начальнику писать. Эхъ! устройте вы, Григорій Саввичъ», обратился онъ

къ управляющему; «вѣдь это всего будетъ стоить рублей тридцать пять, а для батюшки развѣ это деньги».

Управляющій не замедлилъ согласиться поговорить съ владѣльцемъ и сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы устроить эту «необходимую» вещь.

Я обрадованъ былъ добротой и отзывчивостью управляющаго къ чужимъ нуждамъ и попросилъ его передать мою глупую просьбу владѣльцу, какъ попечителю вѣреннаго мнѣ учлища, купить для школы 2—3 стула, такъ какъ на случай пріѣзда инспектора п еще съ нимъ кого нибудь, одному изъ нихъ придется опереться на столъ, рискуя очутиться на полу по причинѣ распатанности его сосноваго организма. Законоучитель злобно зашипѣлъ: «да это не для инспектора! это у господина учителя бывають собранія, и ему не на чемъ посадить своихъ народниковъ. А если пріѣдетъ инспекторъ, то можно прислать двухъ учениковъ и я дамъ пару стульевъ; да и зачѣмъ инспектору садиться?» обратился онъ ко мнѣ, «развѣ онъ у васъ обѣдать будетъ»? Я почувствовалъ, что сильно краснѣю отъ обиды, и вышелъ. Пробравшись въ коридоръ, я одѣлся и не замѣтно ушелъ. Ушелъ и больше не пойду. Не хочу, о. законоучитель идти съ вами «рука объ руку въ дѣлѣ народнаго образованія». Пускай для меня много будетъ триста рублей въ годъ, какъ вы говорите; я буду получать сто пятьдесятъ, а вы постанавливайте на епархіальномъ съѣздѣ ходатайствовать о назначеніи вамъ тысячи пяти сотъ рублей; пускай я буду питаться акридами и дикимъ медомъ, какъ вы каждому проповѣдуете, съѣдая сами за каждымъ обѣдомъ цѣлую стаю гусей и утокъ, но раздѣлять вашихъ взглядовъ, быть работникомъ въ вашемъ домѣ, а въ школѣ иѣшкой, поддерживать обскурантизмъ, сторонникомъ котораго вы являетесь, тщательно скрывая это маской добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, я не буду. Вы, быть можетъ, будете доказывать, что честно исполняете свой долгъ, но развѣ вы не знаете, что ученики отъ васъ не учатся вѣровать, а по вашей милости набивають себѣ головы, Богъ знаетъ, чѣмъ? Вы жалуетесь на упадокъ религіозности своихъ насомыхъ, какъ будто въ душѣ вы не согласны, что христіанъ нельзя сдѣлать задаваніемъ отъ того до того, да заполненіемъ почти всего журнала единицами. А вашъ примѣръ? не вы ли выгнали ученика за

то, что отецъ его отказался поѣхать вамъ за снопами? а прислушайтесь и вникните, что вы иногда говорите и чему учитесь? Да, что говорить, когда въ существѣ дѣла Вы и сами хорошо понимаете!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Учитель Оитамс--Г'.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕЛЬСКАГО УЧИТЕЛЯ.

Поздно осенью 1887 года я былъ определенъ учителемъ въ Угронгскую земскую школу Вельскаго уѣзда, Вологодской губерніи. Школьное дѣло мнѣ близко знакомо, жизнь въ деревнѣ меня привлекала, и я съ радостью ухватился за возможность поработать на пользу симпатичныхъ мнѣ крестьянскихъ ребятъ.

Я приступилъ къ приѣмкѣ школы; каково-же было мое разочарованіе, когда при школѣ не оказалось ни одного клочка бумаги, который могъ-бы указать на ходъ дѣла, ни одной письменной работы, чтобы хотя сколько-нибудь ознакомиться съ познаніями и развитіемъ моихъ будущихъ учениковъ.

Совершенно обезкураженный на первыхъ-же шагахъ, я прінялъ учебныя пособія, письменныя принадлежности и бібліотеку, которая совсѣмъ не заслуживала столь почетнаго названія, такъ какъ состояла изъ разрозненныхъ печатныхъ листковъ, долженствовавшихъ когда-то представлять собою 30—40 экземпляровъ неизвѣстнаго названія книгъ. Кто и когда читалъ эти книги, указаній также не было.

По справкамъ оказалось, что на долю мою выпала такая школа, въ которой уже нѣсколько лѣтъ служили смѣнные учителя, а предшественница моя по неспособности къ учительству была даже совсѣмъ липена школы.

При ближайшемъ знакомствѣ съ населеніемъ, я пришелъ въ еще большее уныніе: оказалось, что народъ извѣрился въ учителей, пріѣзжавшихъ на короткое время, и встрѣтилъ меня не дружелюбно. За спиной моей слышались разговоры: «ну его, и этотъ больше года не прослужить, а съ экзамена все

равно половину со слезами назад привести, — знаемъ мы ихъ!» Съ учениками дѣло стояло еще хуже. Надо сказать, что школа моя состояла изъ трехъ отдѣленій, слѣдовательно, она съ трехлѣтнимъ курсомъ; и вотъ когда я хотѣлъ познакомиться съ познаніемъ одного изъ отдѣленій и сталъ предлагать имъ вопросы, въ двухъ другихъ раздались сначала отдѣльные возгласы, затѣмъ свистки, пѣніе и, наконецъ, все это слилось въ такой невообразимый гамъ, что я въ первую минуту не напелся даже что сказать и что дѣлать.

Прервавъ занятіе, я обратился уже ко всемъ ученикамъ и объяснилъ имъ, что заниматься при такихъ условіяхъ я не желаю, что никакого голоса не хватитъ ихъ перекричать, а потому и предлагаю ходить въ школу только тѣмъ, кто дѣйствительно желаетъ учиться, а кто желаетъ кричать и свистать, пусть пришлеть матерей или отцовъ, и я ихъ отпущу изъ училища домой.

Конечно, мое намѣреніе уволить было превышеніемъ власти (на это я и права не имѣлъ), но я рассчиталъ вѣрно: до крайности дѣло не дошло и посѣщать школу пожелали все поголовно, при чемъ заявили мнѣ откровенно, что прежде они дѣлали что хотѣли, а учительница часто отъ нихъ плакала.

Мнѣ хотя плакать не пришлось, но задумываться надъ вопросомъ, что мнѣ дѣлать, приходилось частенько, такъ какъ отступать не хотѣлось, хотя-бы и пзъ одного самолюбія, а главное — мнѣ съ первой-же минуты стало безконечно жаль всехъ этихъ лохматыхъ, неумытыхъ вопителей, и я задался цѣлью побѣдить ихъ. Но раньше всего надо было завоевать симпатію населенія, чтобы оно путемъ различныхъ, конечно, мелочныхъ каверзъ, не сдѣлало мнѣ жизнь невозможной. А для этого, прежде всего, надо было добиться, чтобы все ученики старшаго отдѣленія, въ количествѣ 9-ти человекъ, непременно сдали экзаменъ на свидѣтельство. Времени осталось уже немного, такъ какъ экзаменъ долженъ быть въ началѣ мая. Ребятишки, къ счастью, попались способные, но уровень познаній и развитія ихъ былъ крайне слабый. Задавшись цѣлью приготовить старшихъ къ экзамену, я въ то же время не долженъ былъ забывать, что и средніе на будущій годъ будутъ старшими, а младшіе къ концу года должны быть грамотны. Сообразивъ все это, я началъ работать въ

старшемъ отдѣленіи и вести въ то же время бесѣды со всѣмъ классомъ, по разнымъ отраслямъ знанія, конечно, въ самой элементарной формѣ. Крестьянскіе ребята, не привыкшіе, чтобы съ ними такъ бесѣдовали, сидѣли буквально затаивъ дыханіе.

Такимъ образомъ, главное дѣло было сдѣлано,—дисциплина водворена. Оставалось передать имъ побольше хотя бы и отрывочныхъ свѣдѣній. Особенное вниманіе пришлось сосредоточить въ интересахъ экзамена на правописаніи и счетѣ. Не буду распространяться о томъ, какихъ страшныхъ трудовъ стоилъ мнѣ и ребятамъ этотъ первый экзаменъ. Казалось, они заразились моей лихорадкой, занимались по вечерамъ, занимались и по воскресеньямъ, а въ награду за усердіе я иногда дарилъ имъ пряники и книжки. Наконецъ, давно ожидаемый день экзамена насталъ и, о, радость! сдали всѣ и даже шестеро изъ девяти получили похвальные листы и книги въ награду.

Отношеніе ко мнѣ народа сразу перемѣнилось; на измѣненіе нашихъ отношеній къ лучшему повліяло и то обстоятельство, что мнѣ удалось въ 1-й же годъ моей службы устроить небольшой хоръ изъ учениковъ въ мѣстной церкви, что, какъ извѣстно, крестьяне очень любятъ, а нѣкоторымъ изъ кончившихъ найти по просьбѣ ихъ занятія въ разныхъ учрежденіяхъ, магазинахъ и т. п. Въ слѣдующемъ-же году я почти безъ всякихъ хлопотъ добился постройки новаго школьнаго дома (ранѣе школа помещалась въ частномъ наемномъ домѣ—крайне неудобномъ), стоившаго крестьянскому обществу около 500 рублей, что при нашей бѣдѣпотѣ составляетъ громадную сумму, а черезъ два года послѣ сего крестьянское общество въ помощь земству на содержаніе училища добровольно дало по 5 коп. съ ревизской души и бесплатное отопленіе училища.

Лѣто я рѣшилъ посвятить на разработку опредѣленнаго плана и порядка преподаванія. Нельзя-же было такъ зарываться, какъ въ первый годъ: меня бы и на два года не хватило, да и ребятъ такъ утомлять прямо-таки нехорошо. Мнѣ надо было придумать такой способъ, чтобы и отъ установленной программы не отступать, и, главное, дать дѣтямъ то, что требуетъ ихъ ежедневный жизненный обиходъ.

Сообразивъ все это, я пришелъ къ тому заключенію, что, не отступая отъ программы, надо вести ученіе такъ, что-

бы каждый ученикъ, кромѣ 1-го отдѣленія, могъ написать письмо, подвести счетъ, и прочитавъ все что придется. Поставивъ себѣ эту задачу, я составилъ росписание предметовъ на каждый день и пачаль со слѣдующей же осени исполнять свою несложную программу. Сталъ я присматриваться къ жизни народа и увидалъ, что многіе изъ крестьянъ желали бы почитать и поучиться, но для чтенія не имѣютъ книгъ, а учиться не знаютъ у кого; увидавъ это я съ радостью немедленно же выписать, на первый разъ на свой счетъ, нѣсколько десятковъ подходящихъ для нихъ книгъ и сталъ давать имъ эти книжки для домашняго чтенія. Съ теченіемъ времени охота къ чтенію среди крестьянъ развилась такъ сильно, что многіе изъ нихъ стали приносить мнѣ деньги, съ просьбою достать для нихъ «позабавнѣе» книжекъ. Разумѣется, просьбу ихъ я каждый разъ съ радостью исполнялъ. По прочтеніи, книжки эти, по моему совѣту, крестьяне отдавали мнѣ. Такимъ образомъ у насъ при училищѣ составила довольно порядочная библіотека, которая потомъ была преобразована начальствомъ въ бесплатную народную. вмѣстѣ съ этимъ при моемъ училищѣ по ходатайству моему открыта бесплатная воскресная школа для взрослыхъ, а иногда и престарѣлыхъ учениковъ.

Когда помѣщеніе въ школѣ стало болѣе удобно, у насъ сильно развилась среди учениковъ охота къ почевкамъ въ школѣ, при чемъ ночуютъ болѣею частью старшіе и младшіе: старшіе потому, что надѣются получить отъ меня какое нибудь лишнее поясненіе вечеромъ или рѣшеніе задачи, а младшіе просто потому, что ходить домой холодно. И какіе это чудные вечера, вознаграждающіе насъ вполне за нашъ дѣйствительно тяжелый трудъ!...

Тутъ всѣ ребята предо мною параспанку, каждый откровенно, не стѣняясь дисциплиной, подходятъ со своимъ горемъ и радостью, тутъ пробуждается мысль, высказываются планы на будущую жизнь, даются и выслушиваются совѣты, рассказываются сказки, тутъ и нѣсенку или молитву пропоютъ ребята хоромъ, да какъ стройно, съ какимъ чувствомъ!

Въ то время, когда дѣти готовятъ урокъ къ слѣдующему дню, я поправляю тетрадки классныхъ работъ. Въ первое полугодіе всѣ письменныя работы я поправляю на квартирѣ для себя и по нимъ слѣжу за ходомъ дѣла, а ученики только

просматриваютъ и замѣчаютъ свои ошибки; если я вижу, что въ такомъ-то правилѣ погрѣшаютъ, я дѣлаю цѣлый рядъ новыхъ упражненій, до полного усвоенія этого правила и только тогда перехожу къ другому. Во второе полугодіе всѣ письменныя работы исправляются въ классѣ, при ученикахъ, и каждую ошибку я имъ объясняю,—это удобно бываетъ дѣлать потому, что въ свѣтлые мѣсяцы прибавляется лишній часъ занятій и для поправки остается время; тогда вечеромъ мы можемъ побольше побесѣдовать, я напою ихъ чайкомъ, а иногда и похлебку сваримъ. На будущее время я намѣренъ приготовить имъ похлебку общественную; хочется думать, что родители не пожалѣютъ для своихъ дѣтокъ какихъ-нибудь два-три фунта крупы или гороха.

По временамъ къ намъ изъ земской управы привозятъ волшебный фонарь. То-то радость и ликование, когда пригласимъ собраться смотрѣть картины! Народу собирается такое множество, что въ продолженіе вечера приходится нѣсколько разъ всѣхъ отправлять на улицу и отворять форточки, иначе отъ духоты и картины плохо выходятъ. Бывали такіе примѣры, что большая часть народа не помѣщалась въ комнатахъ, но желая видѣть эти диковинныя картины, приставляли къ окнамъ лѣстницы и оттуда смотрѣли. Послѣ картинъ среди народа и учениковъ долго идутъ разговоры и толки о томъ, что кому «пондравилось». О прежнихъ свисткахъ и гамѣ въ школѣ давно уже и помину нѣтъ, хотя наказаній я почти никакихъ не употребляю. Всѣ сидятъ какъ слѣдуетъ. Впрочемъ иногда за ними замѣчается недостатокъ—подсказываніе. Будемъ надѣяться, что и это зло уничтожится!

Перехожу на время къ взрослому населенію, жаждавшему просвѣщенія. Многіе взрослые (отъ 15 до 60 лѣтъ) не довольствуясь слушаніемъ уроковъ въ моей безплатной воскресной школѣ, очень любятъ въ длинные зимніе вечера ходить ко мнѣ «въ гости побесѣдовать о хорошемъ», какъ говорятъ они. На этихъ бесѣдахъ мы говоримъ и читаемъ о болѣе правильной обработкѣ земли, о разумномъ исполненіи обязанностей сельскихъ властей: тутъ-же приходится разъяснять имъ и то, что ими прочитано дома, но плохо понято; но больше всего они любятъ слушать мои устные рассказы изъ географіи и русской исторіи. Рассказы эти такъ увлекаютъ ихъ, что они готовы сидѣть и слушать хотя бы всю

ночь и уходить домой только тогда, когда замѣтять мое крайнее утомленіе.

Проводивъ своихъ «гостей», довольный собою и ими, я ложусь отдохнуть, чтобы въ слѣдующій день съ новыми силами приняться за свои обычные занятія въ училищѣ.

Не распространяясь подробно о преподаваніи, скажу только то, по какимъ руководствамъ и учебникамъ велось прежде и ведется нынѣ обученіе въ моей школѣ, а также на что именно и почему обращается мною больше всего вниманіе при прохожденіи школьнаго курса.

Первые годы своего учительства я велъ обученіе русскому языку по книгамъ Ушинскаго и Водовозова, потомъ замѣнилъ ихъ «Нашимъ Роднымъ» Баранова во всѣхъ отдѣленіяхъ. Книги эти, кромѣ 1-го года обученія, хотя и трудноваты для учениковъ по своему слогу, но за то статьи въ нихъ обдуманы и представляютъ цѣлый курсъ начального образованія.

При обученіи правописанію употребляются учебники Пущикевича и Славина. Обученіе ариѳметикѣ прежде я велъ во всѣхъ отдѣленіяхъ по системѣ Евтушевскаго, нынѣ-же по Гольденбергу, придерживаясь, однако, въ младшемъ отдѣленіи прежней системы. Учителствуя въ сельской школѣ около 20 лѣтъ и въ то же время присматриваясь вездѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ къ жизни народа, я на опытѣ убѣдился, что очень часто крестьянинъ, кончившій курсъ въ народной школѣ, не умѣетъ не только написать толково письмо, росписку, довѣренность и т. п., но даже и прочитатъ довольно четкую рукопись. Знаю также и то, что какъ бы ни была хороша школа, но если ученикъ ея не умѣетъ прочесть все, что придется, то такая школа въ глазахъ народа ни чего не стоитъ, и чтобы избѣжать столь не лестнаго мнѣнія о моей школѣ, я все свое желаніе, вниманіе обращаю на усиленіе упражненій въ чтеніи рукописи и на письменное изложеніе мыслей. Съ составленіемъ же необходимыхъ въ крестьянскомъ быту бумажекъ я знакомяю учениковъ практически, а съ русскими мѣрами и употребленіемъ ихъ наглядно.

Познакомить своихъ школьниковъ съ измѣреніемъ площадей и объемовъ, а также съ простѣйшими вычисленіями съ долями я считаю своею обязанностью, ибо этого требуетъ жизненный обиходъ крестьянъ.

О производствѣ же вычисленій на счетахъ и говорить нечего: я такъ думаю, что всякій учитель этому дѣлу въ своей школѣ отдаетъ самое видное мѣсто, такъ какъ среди крестьянъ всѣ вычисленія производятся исключительно на счетахъ.

А. Баракшинъ.

ШКОЛЬНЫЕ ТИПЫ.

I.

Когда-то давно гостить я у коллеги в деревушкѣ, живописно раскинувшейся по берегу небольшой рѣчки.

Поднялся я поздно, накинулъ на шею полотенце и пошелъ къ рѣкѣ, думая выкупаться...

Быль воскресный день. Погода стояла тихая, хорошая. Съ рѣки вѣяло холодкомъ и манило въ воду, купаться, понырять. Тихо бреду по зеленой травкѣ. Вижу сидитъ дѣвчонка, пасеть гусей. Подхожу къ ней.

— Здравствуй, дѣвочка!

— Здравствуйте! куда это вы? купаться? Такъ поздно! А я уже давно выкупалась!..

Видно, дѣвчонка бойкая, вертлявая. Присаживаюсь я къ ней, и завязывается у насъ разговоръ.

— Проклятые... гуси! гдѣ вы взяли на мою голову?!..

— Зачѣмъ же ты такъ, — развѣ надоѣли они тебѣ-то? спрашиваю я.

— Какъ же, какъ же — не надоѣли?.. въ церковь не пойдешь... у Описки тоже... чухачка какая то!.. чортъ шипелавый! просила «попаси», а онъ... Гиль, гиль!.. гил-ля-я-я.. проклятые... вдругъ накинулась она на гусей, которые подошли къ баштану.

— Ты, дѣвочка, любишь въ церковь ходить?

Она молча открыла книгу и долго глядѣла въ нее, не передвигая глазами.

— Гиль, гил-ля-я, проклятые! какъ то не подѣтски злобно закричала она.

— Что же ты не отвѣчаешь, кукла?

И она медленно поглядѣла на меня красивыми, лучистыми глазами и звонко засмѣялась, и вдругъ, какъ то обрывисто вошла въ себя и капризно сжала маленькія губенки.

— Какъ же! ка-акъ же! слезливо заговорила она, не смотря въ лицо мнѣ. Съ учителемъ и Манка рябая пошла, а я—паси гусей. Машкѣ дите нянчить надо, а она утекла! Машкѣ рябой и то—иди! а я паси, какъ проклятая... и тоненькіе пальцы худенькихъ рукъ стали быстро перебирать оборку платья.

— Боже, какъ хорошо въ церковь съ Андрей Ивановичемъ ходить, вновь оживилась она и зарѣзала меня острыми глазенками. Идешь по травкѣ... росой измочишься. Церковь далеко-то отъ насъ... Мы еще за свѣтло пособеремся въ школу, а Андрей Ивановичъ ужъ одѣтъ и воздѣ голубей ухаживаетъ. Идемъ степью, на гору лѣземъ. А какъ на гору взошли то—вотъ вамъ и церковь-то видна, и всѣ крестимся и отдыхаемъ. По одну сторону наша деревня, а по другую церковь. И съ горки видно каждую хату, и что дѣлаютъ по дворамъ. И такъ легко станеть—просто вотъ поджала бы ноги, да и полетѣла бы... и—и полетѣла бы!

Мимо насъ пробѣжали лодкою рыбаки, съ ночной ловни къ дому спѣшать.

Дѣвчонка оживилась еще больше, рвала вокругъ себя травку, плела вѣнокъ, рвала его и снова принималась плести.

— И мы бѣгомъ съ горки.. Андрей Ивановичъ первый, мы за нимъ... а колоколь—бомъ! бомъ! гудить... какъ... какъ... затруднилась она подыскать подходящее сравненіе. Лобикъ сжался у ней, глаза ушли вдаль и на лицо всплыла мелкая, больная улыбка... и вдругъ такъ и выскочило у нея изъ маленькаго ротика,—какъ казань!.., какъ казань!.. бомъ, бо-о-мъ! бомъ, бомъ! бо-о-о-мъ... вытянувъ желобкомъ губки и немного наклонивъ лѣняную головку, она медленно и подѣтски-густо протянула—бо-о-о-омъ... и ея влажныя глазенки протянулись ко мнѣ, лаская мою встревоженную душу.

И внезапно, быстро замахала она своими тоненькими рученками,—книга вывалилась изъ фартука и упала на траву, гуси зашипѣли и кинулись въ сторону, а она машеть и машеть руками и сквозь слезы говорить:

— Бомъ! Бомъ! Такъ и летишь! такъ и летишь!... Бомъ, бомъ!.., такъ и летишь! такъ и летишь!.. А Андрей Ивано-

впчь впереди, а мы за нимъ... ха-ха-ха!... звонко засмѣялась она сквозь слезы... Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!... не унималась она. Какъ... Ха-ха-ха!... Какъ козочки!...

И вдругъ тихо и радостно, точно пробивъ стѣну и вырвавшись наружу, донесся до насъ гулкій звонъ. Это къ «достойно» зазвонили.

Дѣвочка упала лицомъ въ фартукъ и, вздрагивая острыми плечиками, звонко плакала, приговаривая: «Машка рябая!... Гусей паси!... гуси... Чухачка»!... А густой, сочный, тяжелый, воздухъ колышущій звонъ церковнаго колокола несся къ намъ, перекатываясь черезъ наши головы, катился по травѣ, расплывался въ ширь и тутъ же умиралъ, впиваясь въ рыхлую землю! А дѣвочка, уткнувшись лицомъ въ фартукъ, плакала уже молча.

Я тихо поднялся, выгналъ гусей съ баштана и медленно съ навѣянной грустью пошелъ вверхъ, глубже, въ среднюю стѣну, которая свѣтлую полосою полѣзла въ гору и поползла черезъ нее, зацѣпившись вершину горы... и долго я шель, понуря голову, между зелеными хлѣбами. Миѣ было грустно... Меня потянуло къ «своимъ» ребятамъ... Долго бродилъ я межъ хлѣбами, и только за полночь утомленный, голодный притащился я обратно... выпилъ стаканъ холоднаго молока .. и взялся за книгу... Но только ужь читать и спать я никакъ не могъ въ эту ночь!

Эта ночь была для меня и долга, и безконечно скучна!

Логинъ Бривченко.

Отъ редакціи.

Официально разрѣшенная программа нашего журнала слѣдующая:

1. Правительственныя распоряженія (по низшимъ и начальнымъ училищамъ);
2. Статьи разнаго содержанія по вопросамъ, интересующимъ народнаго учителя;
3. Краткія сообщенія и письма въ редакцію;
4. «Правда ли?»—отдѣлъ, въ которомъ будутъ помѣщаться краткія сообщенія о разныхъ ненормальностяхъ въ жизни народной школы,
5. Частныя объявленія.

За исключеніемъ перваго отдѣла, матеріалъ для котораго будетъ заимствоваться изъ правительственныхъ изданій, и притого, гдѣ будутъ печататься объявленія по заказу частныхъ лицъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться исключительно работы учителей и учительницъ (настоящихъ и бывшихъ) начальныхъ всѣхъ наименованій и городскихъ по положенію 1872 года училищъ. Отъ постороннихъ лицъ будутъ приниматься лишь письма въ редакцію по поводу помѣщенныхъ въ журналѣ статей.

Изъ этого ясно, что сдѣлать журналъ живымъ и интереснымъ зависитъ отъ самихъ учащихся; за нами же остается только роль посредника между ними.

Предпринимая изданіе, мы не имѣли въ виду коммерческаго разчета, а лишь преслѣдуемъ намѣченную цѣль—служить посредникомъ обмѣна мыслей между учащими низшей и начальной школы.

Не рассчитывая, вслѣдствіе сего, на значительный притокъ средствъ въ кассу редакціи, мы не публиковали о журналѣ въ газетахъ, такъ какъ для этого потребовались бы большіе расходы, которые могутъ остаться не покрытыми. Въ виду этого и принимая въ расчетъ, что учащіе сами заинтересованы въ прочности существованія журнала, мы надѣемся, что они будутъ распространять свѣдѣнія о журналѣ и привлекать къ нему новыхъ подписчиковъ.

Кстати, обращаемъ вниманіе учащихся на отдѣлы 3-й и 4-й, для которыхъ до сихъ поръ не имѣется надлежащаго матеріала. Просимъ сообщать, ручаясь за сохраненіе тайны, если авторы не пожелаютъ, чтобы сообщенія ихъ были напечатаны за ихъ подписями.

Редакторъ-издатель А. Знаменскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный безпартійный, народный, политическій, экономическій, церковный, педагогическій и литературный
ЖУРНАЛЪ

„ЗАГАДКА“

Начало выхода въ свѣтъ 1 Января 1907 года

Подписная цѣна 5 руб. въ годъ съ пересылкой,
4 руб. безъ пересылки.

Подробную программу можно получать въ типографіи „тружен. печатн. дѣла“ Штейселя и Лося.

Подписка принимается для городскихъ въ типографіи Штейселя и Лося и для иногороднихъ въ Редакціи журнала „ЗАГАДКА“ Вознесенскъ (Хер. губ.)

Редакторъ З. Номикосова,

Издатель Л. Номикосовъ.